

Галактическая разведка

Автор:

Сергей Снегов

Галактическая разведка

Сергей Александрович Снегов

Люди как боги #1

Далекое будущее. Человечество бороздит космос, исследует другие планеты, заводит дружбу с внеземными цивилизациями. Благодаря своим передовым технологиям люди стали обладать всеми теми способностями, которые раньше приписывались богам: болезней не существует, автоматические заводы в изобилии производят все необходимое, от невзгод прошлого остались лишь смутные воспоминания, а глобальный разум решает все проблемы до того, как они наступят. Однако, как известно, и на солнце бывают пятна. Так, однажды, капитан космического корабля Эли во время исследовательского полета натывается на планету, на которой сохранились следы еще более совершенной цивилизации...

Сергей Снегов

Галактическая разведка

Люди как боги. Книга первая

© Т.С. Ленская

© Е.С. Ленский

© ИП Воробьев В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Из Фраскатти в старый Рим

Вышел Петр Астролог.

Свод небес висел над ним,

Будто черный полог.

Он глядел туда, во тьму,

Со своей равнины.

И мерещились ему

Странные картины.

Н. Морозов

Часть первая

Змеедевушка с Веги

Я человек: как бог, я обречен

Познать тоску всех стран и всех времен.

И. Бунин

Для меня эта история началась с того, что на второй день после возвращения на Землю, во время прогулки над кратерами Килиманджаро, я повстречал Лусина верхом на огнедышащем драконе.

Я не люблю летать на драконах. В них есть что-то от древнего театра. А неповоротливых пегасов я попросту не терплю. На Земле для полетов я беру обычную авиетку – так и надежней, и удобней. Но Лусин не мыслит передвижения без драконов. В школе, когда эти неповоротливые чудовища лишь входили в моду, Лусин вскарабкался на учебном драконе на Джомолунгму. Дракон вскоре подох, хоть был в кислородной маске, а Лусину на месяц запретили появляться в конюшне. С той поры прошло пятнадцать лет, но он не поумнел.

Он твердит, что в нем играет душа его предков, обожествлявших этих странных существ. По-моему же, он оригинальничает. Андре Шерстюк да он готовы вывернуться наизнанку, лишь бы чем-нибудь поразить, – такой уж это народ!

И когда с Индийского океана понесся крылатый змей, окутанный дымом и пламенем, я сразу понял, что на нем Лусин. Лусин выкрикнул приветствие и приземлился на обрыве кратера Кибо. Я покружил в воздухе, рассматривая его зверя, потом тоже сел. Лусин подбежал ко мне, мы радостно пожали друг другу руки. Мы не виделись два года. Лусин наслаждался моим удивлением.

Дракон был крупный, метров на десять. Он бессильно распластался на камнях, устало закрыл выпуклые зеленые глаза, его худые бока, бронированные оранжевой чешуей, вздувались и западали, крылья подрагивали. Над головой зверя клубился дым, при выдохе из пасти вырывалось пламя. Огнедышащие драконы были мне внове.

– Последняя модель, – сказал Лусин. – Два года выводил. Инфовцы хвалят. Хорош, нет?

Лусин работает в Институте Новых Форм – ИНФе – и не устает хвастаться, что у них создают живые новообразования, до каких природа не доберется и за миллиард лет. Кое-что, например говорящие дельфины, у них и вправду получалось неплохо. Дымящий, как вулкан, змей не показался мне красивым. Правда, летает он эффектно, этого отрицать не буду.

И пегасы, и драконы в воздухе чувствуют себя хорошо.

Лусин объяснял, что при работе мышц у них развивается антигравитационное поле, отчего они теряют добрых девять десятых веса. Но мне все равно странно глядеть, когда такие массивные животные легко устремляются вверх. Драконы обычно довольно медлительны. А у этого мне не понравился дым, хотя Лусин сказал, что и дым, и пламя у него лишь для красоты, вроде как оперенье у павлина: и не жжет, и не пачкает.

- Вся эта бутафория ни к чему. Если, конечно, вы не задумали пугать им детишек.

Лусин любовно похлопал дракона по одной из лягушачьих ног.

- Эффектен. Повезем на Ору. Пусть смотрят.

Меня раздражает, когда говорят об Оре. Половина моих друзей летит туда, а мне не повезло. Меня бесит не их удача, конечно, а то, что они превращают интереснейшую встречу с обитателями иных миров в примитивную выставку игрушек. Каких только изделий не тащат на Ору!

- Чепуха! Никто там не взглянет на твое ископаемое. Каждый звездожитель сам по себе удивительней всех ваших диковинок. Думаю, машины заинтересуют их куда больше.

- Машины - да! Звери - тоже да. Все - да!

- И ты - да! - передразнил я. - Вот уж образец человека шестого века: рыжеволосый, рыжеглазый, рост метр девяносто два, одинок. Как бы там в тебя не влюбилась мыслящая жаба. И на драконе не удерешь!

Лусин улыбнулся и покачал головой:

- Завидуешь, Эли. Древнее чувство. До драконов. Понимаю. Сам бы на твоём месте.

Лусин говорит словно иероглифами. Мы привыкли к его речи, но незнакомые не всегда его понимают. Его слова обидели меня, я возмущенно отвернулся.

Лусин положил мне руку на плечо.

– Спроси – как? – попросил он печально. – Интересно.

Я кивнул, чтобы не огорчать Лусина равнодушием. Из рассказа я понял, что в легких у дракона синтезируются горючие вещества и что самому ящеру от этого ни холодно ни жарко.

Лусин работает над темой «Материализация чудовищ древнего фольклора», огнедышащий дракон – четвертая его модель, следующие за ней формы – крылатые ассирийские львы и египетские сфинксы.

– Хочу бога Гора с головой сокола, – сказал Лусин. – Еще не утверждено. Надеюсь.

Я вспомнил, что Андре везет на Ору сочиненную им симфонию «Гармония звездных сфер» и что первое ее исполнение состоится сегодня в Каире. Я с сомнением отношусь к музыкальным способностям Андре, но лучше уж музыка, чем дымящиеся змеи.

Лусин вскочил.

– Не знал. Летим в Каир. Я впереди. До ракетной станции.

– Сам наслаждайся ядовитыми парами своего уroda, – сказал я. – А я по старинке: раз, два, три – и ста километров нет!

Мне удалось обогнать Лусина минут на двадцать. Пока он выжимал из своего оранжевого тихохода последние километры, я договорился, чтоб дракона покормили в «Стойле пегасов».

На ракетной станции была конюшня крылатых коней – специально для туристов. Просьбу мою встретили без энтузиазма, особенно когда узнали, что змей огнедышащий. Задиристые пегасы ненавидят смирных драконов и, чуть их

заметят, сейчас же яростно обрушиваются сверху. Конечно, ни копыта, ни зубы ничего не могут поделывать с чешуей, но вздорные лошади штурмуют до изнеможения. Не понимаю, что побудило греков когда-то избрать для поэтических полетов этих быстро устающих в воздухе животных. Я предпочел бы устремляться в художественные высоты на кондорах и грифах – те поднимаются выше и отлично парят над землей.

Я помахал рукой медленно приближающемуся Лусину.

– Торопись, а то опоздаем! Можешь оставить своего вулканоподобного детеныша здесь. Пегасов к нему обещали не подпускать.

2

Первым, кого мы повстречали в Каире, был Аллан Круз, тоже из школьных товарищей. Он прилетел часа за два до нас и шел с чемоданом из Палаты Звездных Маршрутов. В чемодане у него, как всегда, книги. Аллан обожает это старье. В этом отношении он похож на Павла Ромеро – тот тоже не отрывается от книг. Павлу они требуются по роду занятий, Аллан же возится с ними для забавы. Острее ощущаешь современность, когда поглядишь рассыпающиеся журналы двадцатого века, говорит он, посмеиваясь.

Он или сердится, или хохочет, гнев и радость – не крайние, а соседствующие состояния его психики. Если он не возмущен, то ликует – от одного того, что не возмущен. Узнав, куда мы идем, он остановился.

– Да зачем было мчаться в Каир? Включили бы концертный зал и наслаждались музыкой издалека.

Я потянул его за рукав. Не люблю, когда люди ни с того ни с сего замирают на полушаге.

– Симфонию Андре надо слушать в специальных помещениях. Его музыка не удовольствие, а тяжелая физическая работа.

Аллан пошел с нами.

– Мне надо поговорить с Андре, – сказал он грозно. – Последняя модель его портативных дешифраторов никуда не годится.

– Умерь шаг и не маши чемоданом перед моим носом. У тебя там, наверное, килограммов пятьдесят?

– Шестьдесят три. Послушайте, какой конфуз приключился с нами на Проционе из-за легкомыслия Андре.

О конфузе на Проционе мы уже знали. Экспедиция Аллана испытывала облегченную модель Звездного Плуга. В окрестностях Солнечной системы разгоняться запрещено, и одиннадцать с половиной световых лет пути они проделали за тридцать девять ходовых суток. В созвездии Малого Пса тоже усердствовать не пришлось – там они обгоняли свет всего в сто раз. Зато именно в этом созвездии, в планетной системе Проциона, они, так и не узнав сами, совершили наконец предсказанное пять столетий назад открытие – обнаружили мыслящие мхи. На второй из трех планет Проциона не хватало света и тепла и скалы покрывал рыжий мох. Астронавты ходили по мхам. Изучали их приборами. Но нашли лишь, что от растений исходят слабые магнитные волны. А когда экспедиция возвратилась на Землю, Большая Академическая машина расшифровала записанные излучения – это была речь. Удалось разобрать предложения: «Кто вы такие? Откуда? Как вы развили в себе способность передвижения?»

Неподвижные мхи больше всего поразило человеческое искусство ходьбы.

– Во всем виноват дурацкий ДП-2! – гремел Аллан на всю улицу. Он всегда говорит очень громко. – Он, конечно, лучше наручных дешифраторов – те годятся лишь для бесед с собаками и птицами. Например, на Поллуксе, в Близнецах, мы неплохо потолковали с высокоорганизованными рыбами. Забавные нереиды генерировали ультразвуковые волны. Но для трудных случаев прибор Андре не годится. Совершенно беспомощная машина, а выдана за последний крик техники!

Аллан вдруг снова остановился. Я хотел еще нетерпеливей дернуть его за рукав, но меня поразило выражение его лица.

– Совсем забыл, братцы! – сказал он и оглянулся, словно боясь, что кто-то подслушает. – В Палате Звездных Маршрутов сегодня получено удивительное сообщение. Толком никто ничего не знает, а в общих чертах – открыты новые разумные существа. Что-то вроде людей. И, похоже, в их обществе свирепствуют междоусобные войны куда посерьезней, чем древние человеческие.

Сейчас мне странно то безразличие, с каким мы слушали Аллана. Вся история человечества переламывалась – теперь это ясно каждому школьнику. А мы с Лусином даже не поинтересовались, кто доставил информацию и чем именно новооткрытые существа похожи на людей. Я лишь высказал предположение, что они обитают далеко от ближайших звезд: в нашем районе Галактики ни о чем похожем еще не слыхали.

– Не знаю, – ответил Аллан. – Большая Академическая второй день обсчитывает полученную информацию. Завтра-послезавтра нас ознакомят с результатами обработки.

– Подождем до завтра, – сказал я. – А если и до послезавтра, так я тоже стерплю.

Лусин был того же мнения. Концерт Андре занимал его больше, чем информация о последних открытиях. В эти месяцы перед совещанием на Оре мы только и слышали, что о новых разумных существах, обнаруживаемых звездными экспедициями. Мы как бы потеряли ощущение необычности. Удивительное стало обычным.

– Толпа! – сказал Лусин, ткнув вперед пальцем. – Мест не хватит. Поторопимся.

Мы прибавили шагу. Огромный Аллан вынесся вперед. Он и в школе ходил быстрее всех, в его шаге метр и две десятых. Я крикнул:

– Захвати для нас с Лусином два местечка рядом с собой!

В концертный зал вливалось два потока людей. Западные двери были к нам ближе, и мы направились туда.

Аллан проник в голову потока, под прикрытием его широкой спины двигался Лусин, за Лусином я. У дверей случилась неприятность, порядком попортившая

мне настроение.

Какая-то худощавая некрасивая девушка резко отодвинулась от пробивающего себе дорогу Аллана, и на нее налетел я. Она с негодованием обернулась. У нее была тонкая высокая шея и темные глаза. Возможно, впрочем, что они потемнели от гнева.

– Грубиян! – сказала она. Голос у нее был мелодичный, низкого тона. Лицо ее портили широкие брови, такие же черные, как глаза.

– Вас тоже не обучали вежливости! – огрызнулся я, но она, похоже, не услышала.

В зале, сидя между Лусином и Алланом, я раза два вставал и осматривался, отыскивая эту худощавую девушку. Но среди двадцати восьми тысяч человек, заполнивших концертное помещение, обнаружить ее было непросто.

Могу сказать одно: в те минуты перед концертом возмущение на ее лице занимало меня больше, чем загадочное сообщение Алана.

3

– Андре! – сказал Лусин. – Вот чудак! – Андре и на концерте не удержался от озорства.

Вместо того чтобы показаться на стереозэкране и оттуда улыбнуться публике, он вышел на сцену. Человек казался крохотным на пустой площадке. Он произнес речь: что-то о Земле и звездах, небожителях и людях, полетах и катастрофах – все это, мол, отражено в его космической симфонии.

Мне так это надоело, что я крикнул: «Хватит болтовни!» Если бы я знал, что усилители настроены на все звуки в зале, я бы вел себя поосторожней. Мой голос оглушительно отразился от потолка, в ответ понесся такой же громовый хохот. Андре, не смутившись, весело воскликнул:

– Будем считать ваши нетерпеливые крики увертюрой к симфонии!

После этого он исчез, и грянула музыка звездных сфер. Прежде всего мы провалились. Мы неподвижно сидели в своих креслах, от неожиданности вцепившись в ручки, и вместе с тем ошалело неслись вниз. Состояние невесомости наступило так внезапно, что у меня защемило сердце.

Думаю, другие чувствовали себя не лучше.

А потом зазвучала тонкая мелодия, в воздухе поплыли клубящиеся разноцветные облака, и возвратилась тяжесть. Мелодия усиливалась, электронный орган гремел во все свои двадцать четыре тысячи голосов, цветные облачка пронизало неистово пляшущее сияние, все пропало в кружащемся многокрасочном дожде искр, не было видно ни стен, ни потолка, ни дальних соседей, а ближние вдруг превратились в какие-то факелы холодного света. И тут свет стал теплеть, мелодия убыстрилась, увеличилась тяжесть, в воздухе волнами пронеслась жара. Я уже собирался сбросить пиджак, как вдруг зал озарила синяя молния, все вокруг запылало зловещими фиолетовыми пламенами и нестерпимо ударил ледяной ветер. Никто не успел ни отвернуться, ни защитить лицо руками. Оледенение разразилось под свист и жужжание электронных голосов. Перегрузка быстро увеличивалась, легким не хватало кислорода. Снова взревели трубы, запели струны, зазвенели медь и серебро, в фиолетовой тьме зажглись оранжевые языки. Ледяное дыхание сменилось волнами теплоты, перегрузка падала, превращаясь в невесомость. Воздух, ароматный и звучный, сам лился в горло, голова кружилась от тонких звуков, нежных красок, теплоты и легкости в теле.

Так повторялось три раза: багровая жара под грохот труб и невесомость, стремительно нарастающий, пронзительно синий холод под перегрузку, почти удушье, мелодичное розовато-оранжевое возрождение, овечьное теплотой. А потом в последний раз ударил мороз, промчалась жара, и уже по-обычному солнечно вспыхнул потолок концертного зала. Первая часть симфонии кончилась.

Со всех сторон неслись восклицания и смех. Кто-то кряхтел, кто-то оттирал застуженные щеки, кто-то зычно орал: «А ну, автора сюда! А ну, автора!» Большинство торопилось к выходу.

– Он совсем с ума спятил! – негодовал Аллан. – Даже от Андре не ожидал такой нелепицы! Зачем вы меня сюда притащили?

Лусин молча наблюдал за взволнованными зрителями, а я возразил:

– Никто тебя не тянул, ты сам пришел. И что тебя ожидает, знал отлично. Я предупреждал, что музыку Андре могут вынести лишь здоровяки.

– Я здоровяк, но и мне нестерпимо! Неужели и во второй части такой же страх?

Я протянул ему пригласительный билет. На нем было напечатано: «Андре Шерстюк. Гармония звездных сфер. Симфония для звука, света, тепла, давления и тяжести. Часть первая – „Круговорот миров“. Часть вторая – „Люди и небожители“. Часть третья – „Вечное как жизнь“».

Аллан хмыкнул и повеселел.

– Здесь еще одного компонента не хватает: запаха, – пророкотал он, посмеиваясь. – Вот бы смердящее аллегро и благоухающее адажио! Чтобы полнее впечатление, как по-вашему?

– Успех! – с уважением сказал Лусин. – Все потрясены. Равнодушных нет. А?

– Не «а», а «ч». Чепуха, – сказал я. – На вторую часть осталась лишь треть зала.

– Новизна. Понимают не сразу.

– Занимайся лучше своими диковинными новыми формами, а не музыкой, – посоветовал я. – Твоего бога Гора с головой сокола, может, удастся приспособить для защиты от летучих мышей на дальних планетах, а на что пригодится новое творение Андре?

4

После неистовой первой части вторая показалась спокойной. Возможно, впрочем, что мы пообтерпелись. Главным в ней был свет – клубящаяся зеленовато-желтая тьма, красные вспышки, змеящиеся фиолетовые полосы,

искры и стрелы, рушащиеся с потолка, как при полярных сияниях, потом все постепенно затянуло розовым теплым туманом, в нем хотелось понежиться, чувства и мысли засыпали.

Все это происходило под мелодичное звучание электронных голосов, тяжесть и давление то мерно нарастали, то исчезали, холод налетал не так пронзительно, как раньше, сменявшая его жара не так обжигала.

В общем – эта часть мне понравилась. Ее можно было терпеть, а для произведений Андре это уже немало. Зато в третьей части нам снова досталось. «Вечное как жизнь» могло вогнать в гроб любого. Андре, видимо, хотелось доказать, что жизнь – штука непростая, и он достиг цели. Нас обжигало, леденило, оглушало, ослепляло минут двадцать, если не больше.

Симфония уже окончилась, а все в зале сидели, опоминаясь. У некоторых был до того измученный вид, что я расхохотался. Аллан шумно ликовал. Так с ним всегда: необычное сперва озадачивает его, потом приводит в восторг.

– Крепкая симфония! – орал он. – Обрушить этакий концертище на существ с Альфы Центавра или Сириуса – там они не очень костисты, – останется мокрое пятно! Нет, здорово!

По пустеющему залу разнесся голос: друзей автора симфонии просили к восточному выходу. Аллан помчался, обгоняя выходящих, мы с Лусином не торопились. Я знал, что Андре меня дождется.

У восточного входа быстро скопилась кучка приятелей. Я устал пожимать руки. Хорошенькая Жанна Успенская, жена Андре, сияла. Она неумеренно торжествует, если Андре что-нибудь удастся, и надо сказать, ей часто приходится торжествовать. В данном случае, впрочем, она могла бы радоваться и не столь открыто.

Она громко сказала:

– Ты изменился, Эли! Просто не верится, такой ты загорелый и добрый. Послушай, ты не влюбился?

Я знал, почему она говорит громко, и мне это не понравилось. К нам приближались Леонид Мрава и Ольга Трондайк.

Грозный Леонид на этот раз казался почти веселым, а Ольга, как всегда, была уравновешенна и светла. Она, конечно, поняла намек Жанны, но и виду не подала, а Леонид с такой силой тряхнул мою руку, что я охнул. Этот великан – они с Алланом вымахнули до двух метров тридцати – вбил себе в башку, что я стою у него на дороге. Боюсь, Ольга поддерживает в нем это заблуждение. Это тем удивительней, что, не в пример Жанне, Ольга совсем лишена кокетства.

– Я рада, что вижу тебя, Эли, – сказала Ольга. – Ты, кажется, улетал на Марс?

– А чего я не видал на Марсе? – буркнул я. – Мы монтировали седьмое искусственное солнце на Плутоне. Слыхала о таком?

– Конечно. Желто-красный карлик нормальной плотности, мощность восемь тысяч альбертов. Я недавно вычислила, что этой мощности не хватит для нормального функционирования. Ты не ознакомился с моей запиской, Эли?

– Нет. От твоих записок у меня голова болит – так они учены!

Ольга не обиделась и не огорчилась. Она слушала, ровная и розовощекая. Уверен, она и не вдумывалась в содержание моих слов, с нее достаточно, что я говорю. Она слушает один мой голос. Жанна встряхнула локонами, они у нее длинные и так светлы, что издали кажутся седыми.

– Ты не ответил на мой вопрос, Эли!

– Да, – сказал я. – Влюбился. И знаешь – в кого? В тебя. Я долго скрывал, но больше нет сил. Что ты теперь собираешься делать?

– Переживу, Эли. А может, расскажу Андре, пусть он знает, каковы его друзья.

Она повернулась ко мне спиной. Жанна так хочет всем нравиться, что сердится, когда над этим подшучивают.

– У Аллана интересное сообщение, – сказал я, чтобы перевести разговор на другое. – Аллан, повтори-ка, что ты говорил нам.

И снова, как перед тем мы с Лусином, никто не отнесся серьезно к новостям Аллана! Его выслушали равнодушно, словно он делился пустяками, а не самой важной информацией, когда-либо полученной человечеством. Сегодня, вспоминая те дни, я не могу понять, почему нами овладело такое непростительное легкомыслие. Оно было тем непостижимей, что Леонид и Ольга, капитаны дальних звездолетов, уже и в то время слыли опытными астронавтами. Кто-кто, а они должны были сообразить, что означает открытие в звездных мирах, на наших галактических трассах, существ, равных нам по разуму и могуществу. Леонид поступил еще легкомысленней, чем я. Он попросту отмахнулся от Аллана. Наше маленькое искусственное солнце на Плутоне интересовало его больше.

– Удивляюсь вашему консерватизму, – сказал он. – Сперва монтируете огромный спутник, потом разжигаете, пока он не превратится в крохотное светило, и тратите на это столько же лет, сколько и наши деды пару веков назад. А зачем? Звездный Плуг за месяц работы зажжет десяток искусственных солнц всех запроектированных размеров и температур. Не нужно ни монтажа, ни разогрева – короче, ничего, кроме приказа: зажечь и доставить на место солнце!

– Хорошо! – сказал Лусин. – Очень. Даже – очень-очень! Зажечь и доставить! Замечательно. А?

– Великолепно! – сказал я. – Много лучше пожаров, которые ты разжигаешь в животах бедных драконов. Кстати, почему в самом деле не используют для создания малых солнц Звездные Плуги?

Ольга рассудительно ответила (иначе она говорить не умеет):

– Создание солнц с помощью Звездных Плугов, вероятно, было бы проще. Но их запуск в окрестностях нашей системы грозит нарушением равновесия космического пространства. Не хотите же вы, чтоб Сириус налетел на Прокцион, а Проксима Центавра ударилась о Солнце?

Леонид сказал:

– Реальность такого катастрофического нарушения равновесия не доказана...

– Никто не доказал и обратного, – возразила Ольга. – Решение может дать опыт, неудачный же опыт – непоправим.

Из концертного зала вышли Андре с Павлом Ромеро. Появление Павла было так неожиданно, что я в восторге побежал к ним навстречу.

5

Ромеро после разлуки не здоровается, а обнимается: он говорит, что этот обычай раньше существовал во всех цивилизованных племенах. Хорошо еще, что он не целуется, – был, кажется, и такой странный обряд приветствования.

– Это вы, Эли! – сказал он важно. – Ясно вижу, что это вы!

Они стояли передо мной плечо к плечу – улыбающиеся, довольные. Оба невысокие, всего метр девяносто один каждый – меньше, чем Лусин и я, – широкоплечие, молодые: Андре ровесник мне и Лусину, Ромеро на пять лет старше. На этом сходство заканчивается, все остальное, от облика до привычек, вкусов и поступков, у них не только различно, но и противоположно. Ромеро ни на кого не походит, кроме себя. Его усы и борода-эспаньолка мало напоминают окладистые бороды и усы на портретах доисторических королей, хотя он утверждает, что скопировал их не то с римского цезаря, не то с американского президента – в общем, с какого-то из владык древних республик. И он всюду для забавы таскает трость. Он и обнимал меня, не выпуская трости.

Но если Ромеро ни на кого, кроме себя, не похож, то Андре не бывает долго похожим даже на самого себя. При каждой встрече он иной и неожиданный. Если бы он не был гениален, я бы сказал, что он тщеславен. В школе он менял волосы чаще, чем костюмы. На пятом курсе второго круга он удалил доставшиеся ему от природы каштановые кудри и завел черные и прямые волосы, а на третьем круге растительность на голове менялась год от года: гладкие пряди сменились локонами, за ними появились пучки, похожие на кочки, потом он был сияюще лыс, затем снова обзавелся волосами – на этот раз

короткими и колючими, как проволока.

Цвет тоже менялся: кудри были золотые, потом превратились в вороные, а проволокоподобная поросль обжигала малиново-красным, так что голова пылала на свету как головешка, – Андре считал, что такое сверкание ему к лицу. На этот раз у Андре были мягкие каштановые кудри, такие же длинные, как у Жанны. Во всяком случае, это красивее, чем малиновая проволока.

– Ты загорел, Эли! – сказал мне Андре. – Неужели солнца на Плутоне так пламенны?

– Это результат концерта, – возразил я. – Твоя симфония меня чуть не испепелила. А один старичок хватался за сердце.

– Тебе не нравится? Нет, правда, тебе не нравится, Эли?

– Как может нравиться вздор?

– Та же мысль, что я высказывал, – подхватил Ромеро. – И те же слова, дорогой Андре: вздор ваша симфония!

Жанна обняла Андре и показала нам язык.

– Не огорчайся, милый. Полчаса назад Эли басом объяснялся мне в любви! «Я у твоих ног. Что ты собираешься делать?» Как можно серьезно относиться к Эли?

Мы хохотали, даже Ольга улыбнулась. Андре продолжал огорчаться. Этот чудак всерьез надеялся восхитить мир своей адской музыкой.

– Я могу объяснить, что не понравилось в концерте, – сказал я. – Но на это нужно время, Андре.

Он ответил:

– Давайте присядем в парке и побеседуем.

– Лучше походим по парку, – предложил Павел. – В старину философы любили беседовать, прогуливаясь. Почему бы нам не воспользоваться некоторыми их обычаями?

– Без ходьбы философия у древних не шла, – подтвердил Леонид. – Их поэтому называли ходоками.

– Перипатетиками, то есть прогуливающимися, любезный Мрава. Могу вас уверить, что ходоки, или жалобщики, не имели отношения к философам.

Леонид промолчал. С Павлом спорить бесполезно. О древности он знает все. К тому же никто из нас не представлял, чем именно различались профессии жалобщиков и прогуливающихся. В старину было много удивительных ремесел.

6

Мы двигались шеренгой, под руки: Жанна, Ольга, Андре, Павел, Лусин, я, Леонид, Аллан.

Я начал с того, что художественное произведение должно доставлять наслаждение, а не выматывать душу. А после симфонии Андре надо принять освежающий радиационный душ для восстановления сил. Кое-что в ней и неплохо – некоторые мелодии и цветовые эффекты, холод под перегрузку и жара под невесомость, но все это в таких дозах, так утрированно, что наслаждение превращается в страдание.

– Мне нравятся лишь музыка и цвета, – заметил Ромеро. – Должен признаться, друзья, что ваши модные перегрузки, невесомость, давление, жару и прочее душа моя не приемлет.

– Запаха не хватает! – повторил Аллан высказанную раньше мысль. – И знаете – электрических уколов! Под грохот и вспышки, ледяной ветер и перегрузки эдакие ядовитые мураши, будто кто-то быстро-быстро перебирает когтями по телу. – Он захохотал.

Лусин проговорил с восхищением:

– Мураши – хорошо!

– Не слушай их! – сказал Жанна. – Они тебя не любят. Одна я тебя понимаю. Я вынесла твою симфонию от начала до конца и только раз вскрикнула от страха.

– Нет, вы меня любите! – энергично сказал Андре. – Но вы заблуждаетесь, и вам надо всыпать. Сейчас я это сделаю!

А затем он произнес речь. Это было блестяще и вдохновенно, как и все, что делает Андре. Его слово в защиту симфонии понравилось мне куда больше симфонии. По его мнению, мы слишком люди – и это плохо. В нашу эпоху, когда открыто множество разнообразных цивилизаций, человеку стыдно выдавать свой жизненный мирок за единственно приемлемый. Его земные обычаи годятся лишь для него, нечего их распространять за пределы Солнечной системы. Но разве человек не ощущает единство жизни во Вселенной, разве тысячи нитей не роднят его с диковинными существами иных миров? Это не общность деталей и внешности – нет, общность живого разума. Вот об этом, о единстве разумных существ Вселенной, и трактует симфония.

– Моя музыка – не земная, она космическая, она раскрывает философскую схожесть всего живого. И если многое в симфонии для человека трудно – не беда, может, именно это придется по вкусу иным мыслящим существам. Кое-что понравилось вам, что-то будет по душе обитателям Веги, нечто третье порадует пришельцев с Фомальгаута, четвертое приглянется жителям Плеяд. Труд мой удался, если он затронет души разных существ. Моя симфония – это множество рук, протянутых друзьям во Вселенной. Не требуйте же, чтоб все эти руки пожимали одну вашу, не жадничайте: гармония Вселенной не исчерпывается той, что совершается в ваших душах!

Аллан в восторге подбросил шляпу вверх:

– Первая в мире симфония для видящих, слышащих, осязающих, ходящих и летающих! Нечто впечатляющее для глаз, ушей, лап, жабр, кожи, брони, хобота и присосок!

Ромеро насмешливо улыбнулся.

– Вы своим созданием строго указали бедному человеку на его скромное местечко во Вселенной, но сам-то он может не примириться с ролью чего-то среднего между остроумыслящей ящерицей и глуповатым ангелом. Вы не подумали об этом, Андре?

Андре ждал, что скажу я. Мне не хотелось его огорчать, но и отмалчиваться я не мог.

– Твои намерения прекрасны, Андре, но неосуществимы. Мне кажется, не существует произведений искусства, воздействующих на все разумные существа Вселенной. Человеческое – человеку. А мыслящим рыбам – нечто особое, может, вовсе чуждое нашему пониманию.

Не помню случая, чтоб Андре уступил сразу. Он непременно поищет неожиданные ходы, изобретет запутанные варианты, которые потребуют проверок, – лишь бы не признавать поражения.

– Пусть звездожители сами разрешат наш спор! Продолжим дискуссию на Оре!

Наступило замешательство. Мне трудно было смотреть на Андре.

– Разве ты не знаешь, – сказала Ольга с упреком, – что Эли не летит с нами на Ору?

7

Андре так огорчился, что мне стало его жаль. Он глядел на меня, словно не верил.

– Ничего не поделаешь, – сказал я. – Вы отправитесь знакомиться со звездожителями, а я возвращусь монтировать искусственные солнца в небесах далеких планет.

– Зауспокойный тон не идет твоей насмешливой роже, когда ты это поймешь? – воскликнул Андре. – Я хочу знать: почему все так неожиданно повернулось?

Я объяснил, что ничего неожиданного нет. При отборе претендентов у меня не оказалось тех преимуществ, какими блистали мои друзья. Без Ольги, Аллана и Леонида дальние полеты невозможны – они инженеры и командиры космических кораблей. Андре тоже необходим: мало кто сравнится с ним в умении расшифровывать незнакомую речь. И Лусин нужен: он познакомится с иными формами жизни, некоторые попытается потом воспроизвести искусственно. Тем более потребуется знаток старины Ромеро. Кто знает, не повторяют ли обычаи и законы новооткрытых обществ того, что уже некогда цвело и увяло на Земле?

Ну, а кому там нужен я?

– В жизни не встречал большего глупца, чем ты! – закричал Андре. – Я спрашиваю о другом: добивался ли ты, чтоб тебя зачислили в экспедицию? Что ты сделал для этого?

Я терпеливо разъяснил Андре, что еще год назад записался на отборочный конкурс. Большая Государственная машина три месяца назад приступила к обработке данных. Всего нас было около шестидесяти миллионов человек, но после первой же отбраковки по возрасту и здоровью осталось три с четвертью миллиона.

– Ты был среди прошедших первую отбраковку?

– Да. Легче от этого мне не стало. Машина последовательно сужала круг отобранных. В конце концов осталось сто тысяч человек, удовлетворявших всем условиям конкурса, и среди них снова был я. И тогда бросили жребий. Мне выпала пустышка.

Некоторое время мы шли молча. Андре хмурился. Я догадывался, что он выискивает возможности возобновить мое ходатайство. Я был спокоен. Таких возможностей не существовало.

– Мы сделаем так, – сказал Андре. – Эли полетит вместо меня. Он отлично меня заменит.

Одна Жанна обрадовалась, что Андре остается. Мы хором его ругали. Наше возмущение было тем сильнее, что мы знали, как нелегко переубедить этого человека, если он вобьет что-нибудь себе в голову.

– Без Эли не полечу! – твердил Андре. – Еще в школе мы мечтали, что первое путешествие в иные созвездия совершим вместе. Поймите, мне не хочется расставаться с ним!

– Правильно, миленький! – быстро говорила Жанна. – И со мной не надо расставаться. Я тоже не хочу с тобой расставаться. Не слушай их!

Андре и без ее советов не слушал нас, мы кричали и перебивали друг друга. Потом в спор вступила молчавшая до того Ольга:

– В твоих действиях нет логики, Андре. Если Эли полетит вместо тебя, вам все равно придется разлучаться.

Андре зачастую в спешке хватается за первый попавшийся аргумент, не соображая, что тот повернется против него. Ошеломленный, он уставился на Ольгу. Этим воспользовался Ромеро.

– Я попрошу Веру помочь Эли, – объявил он. – Через пять минут я лечу в Столицу. Сейчас десять. В одиннадцать вы узнаете, Эли, благосклонна ли к вам судьба.

Он завершил эти напыщенные слова таким же напыщенным поднятием руки и удалился. Ромеро умница и добряк, но говорит и ходит как древнеримский император.

Андре пригласил нас к себе в гостиницу. Лусин вспомнил о своем драконе: беднягу, вероятно, обижали пегасы. Леонид и Ольга торопились на галактическую базу, у Аллана тоже нашлись неотложные дела.

– Хотелось поругать тебя за дешифраторы, но придется отложить, – сказал он с сожалением.

Андре взял меня под руку.

- Погуляем еще и пойдем ко мне. Нет, я так рад, так рад, что вижу тебя, Эли!

8

В Каире я люблю летние вечера. Конечно, с тех пор как Управление Земной Оси научилось ориентировать нашу планету в пространстве, различия в климате разных широт смягчились. Еще на моей памяти в Антарктике в иные зимы бушевали бесконтрольные снежные бури. Лет пятнадцать назад всерьез обсуждалось, не установить ли на Земле стационарный климат – вечное лето в тропиках, вечная весна в высоких широтах. Идею постоянной весны на шапках планеты и непрестанной жары в центральном поясе, однако, отвергли – и хорошо, что отвергли. Чувство жаждет перемен и противится однообразию. Нынешняя расписанная по месяцам и неделям смена тепла и холода, дождей и ясности, ветров и тишины мне по душе.

Однако каждое место на Земле имеет свою особую прелесть. Никакие старания метеорологов не придадут воздуху в Гренландии и Якутии южного аромата и неги. На севере мир суровей и светлее, а у тропиков природа задумчивей и нежней. Синий, напоенный выразительными, как крик, ароматами южный вечер волнует меня своей музыкальностью – возможно, это надо сказать по-иному, я просто не подберу слов точнее.

Именно так я и выразился, когда мы с Жанной и Андре прогуливались по бульвару под пальмами и кипарисами. Жанна сорвала амариллис, кроваво-красный, с дурманящим запахом. Садовые амариллисы на севере не пахнут. Этот же изнемогал, источая благовоние, два-три вдоха из его распахнутой чаши заставляли усиленно биться сердце.

- Глупая! – Андре забрал цветок у Жанны. – В твоём состоянии надо быть осторожней.

Я поинтересовался, что за состояние у Жанны: она мало изменилась за два года, что мы не виделись. Андре объяснил, что они ждут мальчика. Он показал синтезированный по формулам портрет их ребенка, каким тот будет в десять лет. Я поразился, до чего малыш походил на Андре: те же глаза, нос, подбородок. Оказалось, Жанна на четвертом месяце, и вчера, перед отлетом в

Каир на концерт, Медицинская машина, обследовавшая ее, установила, когда будут роды, а затем рассчитала и отпечатала будущий портрет сынишки.

– Вот генетический гороскоп Олега, мы хотим назвать его Олегом, – сказал Андре. – Чудный парень, не правда ли? Ты полюбуйся, какова степень его познавательных способностей, как высок индекс жизненной активности!

Индекс жизненной активности у малыша был на двадцать единиц выше, чем в свое время высчитали мне, и степень познавательных способностей незаурядна. Однако меня не так поразили способности их будущего сынишки, как его сходство с Андре. Все эти великолепные цифры, какими нас снабжают при рождении, не более чем возможности – их нужно осуществить, чтоб они стали реальностью, а это штука непростая! Набор жизненных индексов в родовых паспортах – потолок, до него еще надо дотянуться. А сколько людей так и берут возможную высоту... Пока человечество в целом ниже того уровня, какой ему внутренне присущ, мы пока не дорастаем до себя – вот беда нашего времени!

– Яркий пример неосуществленных возможностей – Павел, – сказал я. – Разве у него не определили при рождении больших математических способностей? А он не терпит математику! Он любит одну историю.

– У тебя высчитали критичный и насмешливый ум – и разве это не так? – возразил Андре. – В Олеге я уверен: он осуществит все, что предсказывает его генетический гороскоп.

– Пока что он больше похож на тебя, чем ты сам, ибо ты любишь менять свою естественную внешность. Ты не прятался возле машины, когда Жанну просвечивали?

Они в один голос запротестовали. Жанна надула губы: она гордилась сходством своего будущего сына с отцом больше, чем его высчитанными заранее необыкновенными способностями. В природе женщин много необъяснимого. Достаточно сказать, что генетические гороскопы девочек осуществляются далеко не так точно, как гороскопы мальчиков.

– Роды по расчету будут нелегкими, – сказал Андре. – Жанне надо придерживаться строгого режима. А Охранительница слишком редко одергивает мою неразумную жену!

– Охранительница, не сомневаюсь, исправно выполняет свои обязанности, а ты, как всегда, тревожишься попусту.

– Эли, ты до того логичен, что это непереносимо! Рано или поздно ты женишься на Ольге, и вместо разговоров вы будете обмениваться цифрами, как словами!

– Не смей! – сказала Жанна и обняла меня. – Эли – хороший, и я люблю его, а тебя нет. Я рада, что ты надолго улетаешь и оставляешь меня одну.

Слова Андре напомнили мне, что Ромеро обещал потолковать с Верой. Шел двенадцатый час. Я мог бы вызвать Веру по ее шифру. Не надо, решил я про себя, она подумает, что я упрасиваю ее. Однако не прошли мы и двух шагов, как на аллее вспыхнул видеостолб и в нем загорелся силуэт Веры. Она сидела на диване и улыбалась мне. Я видел люстру и цветы справа, остальное терялось во тьме между цветами и картинами. Слева от Веры кто-то стоял, мне показалось, что это Ромеро, но Вера поняла, куда я смотрю, – и освещенное пространство сузилось, охватывая лишь ее.

– Брат, – сказала Вера, – прилетев на Землю, ты мог бы явиться ко мне.

– У меня были дела по командировке. И я не знал, что на вашей суматошной Земле стало модным ходить в гости.

– Ты мало изменился, Эли, – заметила она.

– Другие находят, что я очень изменился, – отозвался я.

– А теперь ты хочешь лететь на Ору?

– Разве запрещено хотеть, что вздумается?

– Не все желания осуществляются, Эли.

– Я уже изучал это в курсе «Границы возможного» и, кажется, получил за благоразумие высший балл – двенадцать.

– Боюсь, твоего благоразумия дальше экзаменов не хватило.

– Я часто огорчился своему благоразумию на экзаменах.

Она засмеялась. Я люблю ее смех. Никто не умеет так смеяться, как Вера. Она словно освещается при смехе.

– Тебя не переговоришь, брат. Завтра вечером приходи. Обстоятельства стали другими, и, возможно, твое желание осуществится.

Я не успел ни поблагодарить, ни узнать, почему обстоятельства стали другими, – видеостолб погас. Андре в восторге обнял меня.

– Итак, ты летишь с нами, Эли!

– Вера сказала: возможно.

– Если Вера говорит «возможно», это значит – наверное!

Жанна тоже поздравила меня, но по-своему. Она сказала, что двумя сумасбродами на Земле станет меньше, а она устала от сумасбродств. Потом она прислушалась к себе.

– Охранительница требует, чтоб я легла, Андре. Не понимаю, почему такая спешка: еще нет двенадцати.

Андре схватил нас с Жанной под руки.

– Немедленно в гостиницу! Я могу объяснить, что случилось. Ты сегодня чувствуешь себя хуже, но не знаешь этого, а Охранительница на то и Охранительница, чтобы все знать о нас.

Мы прошли в их номер. Жанна ушла в спальню, а я вышел на балкон. Внизу лежал спящий Каир, над ним раскинулась звездная полночь.

Может, я сентиментален, но у меня все внутри замирает, когда я остаюсь один на один со звездным небом.

Наших предков-пастухов охватывал страх при виде Вселенной, сверкающей тысячами бессмертных глаз, – меня же охватывает восторг. Они и понятия не имели, как неисчислимо велик мир, и все же ощущали себя исчезающе малыми перед лицом звездного величия. Я отлично знаю, сколько десятков и сотен парсеков до каждой из ярких звезд, но не чувствую себя ничтожным перед их грозной отдаленностью и громадой. Это блажь, в ней неудобно признаваться, но мне всегда хочется протянуть руки далеким мирам, так же вспыхивать и менять свой блеск, так же кричать, кричать во Вселенной сияющим криком!..

– Что с тобой? – спросил Андре, выйдя на балкон. – На тебе лица нет.

– Любуюсь небом – ничего больше.

Он сел в кресло и, тихо покачиваясь, тоже засмотрелся на звезды. Вскоре и у него стало странно восторженное лицо.

Звездная сфера медленно вращала светила вокруг невидимой оси. Небо, бархатно-черное, было почти над головой, протяни руку – дотронешься до звезды! На севере, у горизонта, сверкала Большая Медведица, в зените горел исполинский Орион, неистово пылал Сириус, а пониже, тоже чуть ли не у горизонта, торжественно вздымался Южный Крест, в Киле полыхал багрово-зеленый костер Канопуса. Воздух был так прозрачен, что я легко различал светила седьмой величины, а от жгучего блеска нулевых и отрицательных глазам становилось больно.

Андре тихо проговорил:

– А там, в безмерных провалах Вселенной, мы будем тосковать по родной Земле. Знаешь, Эли, я иногда думаю о людях, которые улетали в космос до того, как был применен эффект Танева. Рабам жалких досветовых скоростей, им не хватало их маленькой жизни на возвращение, они знали это – и все же стремились вперед.

- Ты хочешь сказать, что они были безумцы?

- Я хочу сказать, что они были герои.

Внизу тихо шумели листья пальм и акаций, всегда неподвижные кипарисы вдруг забормотали жесткими ветвями. Я закрыл глаза, улыбаясь. Прямо на меня низвергался оранжевый глаз разъяренного небесного быка - Альдебарана. Двадцать один парсек, шестьдесят пять световых лет разделяли нас. Где-то там, в стороне Альдебарана, летела невидимая искусственная планета - Ора.

- Пятьсот с лишним лет назад в пространстве затерялись Роберт Лист и Эдуард Камагин с товарищами, - задумчиво сказал Андре. - Может, и сейчас их корабль несется шальным небесным телом, а мертвые космонавты сжимают подлокотники истлевшими пальцами... Как же страдали эти люди, вспоминая маленькую, зеленую, навеки недостижимую Землю!

- Почему такая печаль, мой друг?

- Я боюсь оставлять Жанну.

- Почему? Неудачных родов давно не бывает.

- Да нет, не то!..

Он помолчал, словно колеблясь.

- Перед женитьбой мы с Жанной запросили Справочную о нашей взаимной пригодности к семейной жизни. И Справочная объявила, что мы подходим друг другу всего на тридцать девять процентов.

- Вот как! Никогда бы не подумал.

- Мы сами не ожидали. Я был как пришибленный. Жанна плакала.

- Помню, помню: перед женитьбой ты ходил мрачный...

– Будешь мрачным! Соединиться, имея прогноз, что брак будет неудачен! Потом я сказал Жанне: ладно, пусть тридцать девять, да наши, в старину люди сходились при двух-трех сотых взаимного соответствия, ничего – жили!.. Она твердила, что мы друг другу быстро опротивеем, но я настаивал... Первые недели совместной жизни мы сдували друг с друга пушинки, во всем взаимно уступали, только бы не поссориться. Потом как-то остыли – и снова появился страх: не берут ли верх зловерные шестьдесят один процент над дорогим тридцатью девятью? Мы опять запросили Справочную – и что же? Взаимная наша пригодность составляла теперь семьдесят четыре процента!

– Ого!

– Да. Семьдесят четыре. Нам стало легче, но не очень. Ты напрасно улыбаешься. Пригоден я для Жанны или не пригоден, я не хочу ее терять. В день, когда была решена поездка на Ору, мы получили последнюю справку: наша взаимная пригодность достигла девяноста трех процентов. Почти полное единение! Но и семь сотых лежат камнем на душе. Конечно, если бы я оставался на Земле...

– Все влюбленные глупы. Глядя на тебя, я радуюсь, что не влюблен.

– Это ругань, а не аргумент, Эли. – Андре уныло покачал головой. Я еле удержался от смеха, такое у него было лицо.

– Хорошо, послушай аргументы. Слышал ли ты легенду о Филемоне и Бавкиде? Так вот, среди людей это была самая верная супружеская пара, и боги даровали им счастье умереть в один день, а после смерти превратили их в дуб и липу. Ромеро собрал все сведения о Филемоне и Бавкиде и предложил Справочной просчитать их взаимное соответствие. Угадай: сколько получилось? Восемьдесят семь процентов, на шесть меньше, чем у тебя, чудак! Ты должен петь от радости, а не печалиться!

На это Андре не нашел возражений, и я добавил последний аргумент. На Земле все чересчур уж подчинили машинному программированию. Я понимаю, гигантскую работу по управлению всеми планетами осуществлять без автоматов невозможно. Но зачем отдавать на откуп машинам те области, где легко обойтись собственным разумом? Мы на других планетах действуем пока без Охранительниц и Справочных – и не погибаем! А когда я влюблюсь, то постараюсь ласкать возлюбленную, не спрашивая о взаимной пригодности, –

сила нашей любви будет мерилom соответствия. Поцелуи, одобренные машиной, меня не волнуют! Я не Ромеро с его увлеченностью стариной, но признаю, как и он, что многое у предков было разумнее: они не программировали свои влечения.

Андре фыркнул:

– А что ты знаешь о старине? Откуда ты взял, что предки не программировали своей жизни? А их обязательные социальные законы? Их правила поведения? Их так называемые нормы приличия? Прошелся бы ты по любому из старых городов! Да там каждый шаг был запрограммирован: переходи улицу лишь в специальных местах и лишь при зеленом свете, не задерживайся и не беги, боже тебя сохрани остановиться на мостовой, двигайся с правой стороны, а обгоняй слева – тысячи мельчайших регламентаций, давно нами забытых. А их торжественные вечера? Их священный ритуал выпивок, закусок, чередования блюд и спичей! Я утверждаю, что мы несравненно свободнее предков и наши машины безопасности и справочные лишь обеспечивают, а не стесняют нашу свободу. Вот так, мой неудачный машиноборец.

Мне трудно спорить с Андре. Он соображает быстрее меня и бессовестно этим пользуется.

– Мы отвлеклись от темы, – сказал я.

– Единственное, от чего мы отвлекаемся, – это от сна. Третий час ночи, Эли. Я лягу на кровать, а ты пристраивайся на диване, ладно?

Он ушел, а я задержался на балконе.

Когда Орион повернулся над головой, я лег на диван и заказал Охранительнице музыку под настроение. Если бы Андре узнал, что я делаю, то закричал бы, что у меня нет вкуса и я не понимаю великих творений. Он обожает сильные словечки. Что до меня, то я считаю изобретение синтетической музыки для индивидуального восприятия величайшим подвигом человеческого гения. Она лишь для тебя, другой бы ее не понял. И древние Бах с Бетховеном, и более поздние Семенченко с Кротгусом, и штукари-модернисты Шерстюк с Галом творят для коллективного восприятия. Они подчиняют слушателя: хватают меня за шиворот и тащат, куда нужно им, а не мне. Иногда наши стремления

совпадают – и тогда я испытываю наслаждение, но это бывает нечасто. Индивидуальная музыка как раз та, какой мне в данный момент хочется. Андре обзывает ее физиологической, но почему я должен бояться физиологии? Пока я живу, во мне совершаются физиологические процессы, от этого никуда не денешься. Вскоре зазвучала тонкая мелодия. Я сам создавал ее, Охранительница лишь воспроизводила то, чего я хотел. Грустные голоса скрипок звенели, тело мое напевало и нежилось, в темноте за сомкнутыми веками вспыхивали световые пятна. Сперва все это совершалось живо и громко, потом слабело – и я засыпал, борясь со сном, чтобы по-прежнему ощущать музыку. «Завтра будет... Что будет?... Завтра... день!» – возникла последняя смутная мысль, и она отозвалась во мне торжественно-радостной, радужно-зеленоватой мелодией.

10

Утром я узнал, что сегодня в средних широтах праздник Большой летней грозы, и поспешил в Столицу. Андре с Жанной улетели на рассвете.

Когда я подошел к гостиничному стереофону, на экране показался смеющийся Андре.

– Ты так крепко спал, что нам с Жанной было жалко тебя будить. После Веры приходи к нам.

На улицах Каира чувствовалось, что предстоят важные события: в воздухе проносились авиетки, шумели крыльями пегасы, извивались молчаливые драконы. Я вскочил в аэробус, летевший к Северному вокзалу, и полюбовался сверху панорамой гигантского города. На земле Каир многоцветен и разнообразен, с воздуха все забивают две краски – зеленая и белая, но сочетание их приятно для глаз.

Мы обогнали не меньше сотни пегасов и летающих змеев, пока добрались до вокзала. Экспрессы уходили на север поминутно.

Гроза по графику начиналась с двенадцати часов. Над серединой Средиземного моря мы врезались в первый транспорт облаков. Я знал, что с Тихого и

Атлантического океанов заблаговременно поднимают тысячи кубических километров воды и что их неделями накапливают на водных просторах, пока не придет время двинуть на материк. Но что и заповедное Средиземное море стало ареной тучесборов, было неожиданно. На Земле произошло много нового за два года, что я отсутствовал. Я пожалел, что узнал о празднике поздно: хорошо бы слетать на Тихий океан – посмотреть, как гигантские облачные массы, спрессованные в десятикилометровый слой, внезапно приходят в движение и, опускаясь с высоты, куда их загнали, бурно устремляются по предписанным трассам в предписанные места.

Ветер был около тридцати метров в секунду, Средиземное море бурлило, с каждым километром за окном становилось темней. Через некоторое время экспресс повернул на восток и вырвался на ясное солнце. Минут двадцать мы летели вдоль кромки туч. Я поразился, с каким искусством формируют транспорты облаков: километровая толща тумана неслась таким четким фронтом, как если бы ее подравняли по линейке. Переход из темноты в ясность был внезапен.

В Столицу мы прибыли в одиннадцать и высадились на пересечении Зеленого проспекта и Красной улицы. Чтоб не выходить на многолюдный в праздники проспект, я свернул на Красную.

Это не самая красивая из двадцати четырех магистралей Столицы, но я ее люблю. Невысокие – в тридцать-сорок этажей – здания вздымаются кубами и многоугольниками, их опоясывают веранды высотных садов, уступы прогулочных площадок. Мне нравится яркость этой улицы. Красный цвет содержит тьму оттенков и полутонов. Одни здания взмывают малиновыми языками, другие простираются стеной багрового огня, третьи пылают оранжевой копной – и каждое не похоже на соседнее.

Однако и на Красной было много людей. Полеты на пегасах и драконах в Столице запрещены, зато сегодня жители высыпали в воздух на авиетках. Как всегда, усердствовала детвора: этому народу нужен лишь повод для шума, а разве есть лучший повод побеситься, чем Большая летняя гроза? Они отчаянно кувыркались над домами и деревьями. Я знал, что Охранительницы следят за ними, но становилось не по себе, когда малыши принимались соревноваться в падении с сороковых этажей. Один из десятилетних храбрецов с воплем обрушился на меня. Охранительница, разумеется, вывернула его авиетку, мальчишка пронесся мимо и повис, покачиваясь метрах в десяти.

– Вот догоню тебя! – рявкнул я, стараясь сдержать улыбку.

– Не догоните. Я от всякого убегу.

И он тут же удрал вверх – выглядывать с орлиной высоты новую жертву.

На пересечении Красной улицы и Звездного проспекта стояли свободные авиетки. Я сел в одну и мысленно распорядился: «В Музейный город». Через три минуты авиетка опустилась на площади Пантеона, около памятника Корове. Приезжая в Столицу, я всегда захожу в Пантеон. Ныне сюда уже никого не вносят. Но могучие умы и характеры прошлых веков, своей деятельностью подготовившие наше общество, заслужили вечный почет – он был им оказан прадедами, построившими Пантеон. Мне нравится надпись на фронтоне дворца: «Тем, кто в свое несовершенное время был равновелик нам». Андре иногда смеется, что надпись хвастлива: задираем нос перед предками. Ая в ней вижу равнение на лучших людей прошлого, желание стать достойными их.

Я прошел аллею памятников вымышленным людям, оказавшим влияние на духовное развитие человечества: Прометею, Одиссею, Дон-Кихоту, Робинзону, Гамлету, мальчишке Геку Финну и другим – сотни поднятых голов, скорбных и смеющихся лиц. В стороне от них, у стены, приткнулась статуя Андрея Танева, и я постоял около нее.

Собственно, Танев жил, а не был придуман, о его жизни многое известно, хотя тюремные его тетради были найдены лишь через двести лет после его смерти. Но правда так переплелась с выдумкой, что достоверно одно: в начале двадцатого века по старому летосчислению жил человек, открывший превращение вещества в пространство и пространства в вещество, названные впоследствии «эффектом Танева». Этот человек долго сидел в тюрьме и вел свои научные работы в камере.

Скульптор изобразил Танева в тюремном бушлате, с руками, заложенными за спину, с головой, поднятой вверх, – узник вглядывается в ночное небо, он размышляет о звездах, создавая теорию их образования из «ничего» и превращение в «ничто». То, что мы знаем о Таневе, рисует его, впрочем, вовсе не отрешенным от Земли мыслителем: он был вспыльчивым, страстно увлеченным жизнью, просто жизнью, хороша она или плоха. До нас дошли его тюремные стихи: нормальный человек на его месте, вероятно, изнывал бы от

скорби – он же буйно ликует, что потрудился на морозе и в пургу и, с жадностью проглотив свою еду, лихо выпится. Вряд ли человек, радовавшийся любому пустяку, очень тосковал о звездах. Тем не менее Таневу первому удалось вывести формулы превращения пространства в массу, и он первый провозгласил, что придет время, когда человек будет как бог творить миры из пустоты и двигаться со сверхсветовой скоростью, – все это содержится в его тюремных тетрадах.

От Танева я пошел к голове Нгоро. Я всегда посещаю это место перед началом важного дела. Ромеро шутит, что я поклоняюсь памятникам великих людей, как дикарь своим божкам. Правда тут одна: мне становится легче и яснее, когда я гляжу на величайшего из математиков прошлого.

В середине галереи, на пьедестале, возвышается хрустальный колпак, а в колпаке покоится черная курчавая голова Нгоро. Она кажется живой – лишь плотно закрытые глаза свидетельствуют, что этот могучий мозг уже никогда не оживет. Нгоро до странности похож на Леонида: тот же широкий, стеною, лоб, те же мощные губы, мощные скулы, удлинённый подбородок, крутые вальки бровей, массивные уши, – все в этой удивительной голове мощно и массивно. Но если выразительное лицо Леонида хмуро, его иногда сводит судорога гнева, то Нгоро добр, глубоко, проникновенно добр.

Когда еще в школе я узнал, что Нгоро попал в аварию и малоискусной медицине его века удалось спасти лишь голову, отделенную от плеч, меня поразило, что голова потом разговаривала, мыслила, смеялась, даже напевала, к ночи засыпала, на рассвете пробуждалась – жила тридцать два долгих года! И, приближаясь к голове Нгоро, я вспоминал, что друзья ученого часто плакали перед ним и Нгоро упрекал их за малодушие и твердил, что ему хорошо, раз он может еще приносить людям благо. Он скончался на шестьдесят седьмом году жизни. Он знал, что умирает: искусственное кровообращение могло продлить жизнь головы, но не могло сделать ее бессмертной.

И сейчас я стоял перед великой головой, а Нгоро улыбался черным лицом, и оно было такое, словно Нгоро уснул сегодня ночью, а не двести лет назад.

– Нгоро! – сказал я. – Добрый, ясновидящий Нгоро, я хочу быть хоть немного похожим на тебя!

В это время снаружи зазвонили колокола, запели трубы.

- Тучи! Тучи! - кричали на площади.

Я побежал к выходу, вызывая через Охранительницу авиетку.

11

Тучи вырывались из-за горизонта и быстро заполняли небо.

Я поспешил подняться над островом Музейного города (этот остров окружают три кольца высотных домов, заслоняющих видимость). Первое кольцо, Внутреннее, еще сравнительно невысоко, этажей на пятьдесят-шестьдесят, но второе, Центральное, вздымающееся уступами, гигантским тридцатикилометровым гребнем опоясывает город, и, где бы человек ни стоял, он видит в отдалении стоэтажные громады этого хребта, главного жилого массива Столицы.

Рядом со мной взлетали другие авиетки, а над городом их было уже так много, что никакой человеческий мозг не смог бы разобраться в толчее. Я вообразил себе, что выйдет из строя Большая Государственная машина и Охранительницы веселящихся в воздухе жителей Столицы потеряют с ними связь, и невольно содрогнулся: люди, налетая один на другого, рушились бы на крыши и мостовые, превращались в кровавое месиво. К счастью, на Земле аварий не бывает.

Тучи за минуту закрыли половину неба. Мир вдруг распался на две части: одна - черная, вздыбленная ветром - пожирала вторую - сияющую, лениво-успокоенную. Дико налетел ураган, я приоткрыл окно и чуть не задохся от удара несущегося воздуха. Даже на этой высоте было слышно, как осатанело ревет буря. А потом нас сразу охватила тьма. Я уже не видел летящих рядом, и меня никто не видел. Я знал, что машины безопасности охраняют нас, но на миг мне стало страшно, и я повернул к городу. То же, вероятно, испытывали другие: когда первая молния осветила пространство, все катились вниз. Выругав себя за трусость, я направил авиетку в переплетение электрических разрядов.

Может, я ошибаюсь, но в этом летнем празднике всего прекрасней мне кажется полет туч и сражение молний. Вспышки света и грохот приводят меня в смятение. Я ору и лечу в крохотной авиетке, сам подобный шаровой молнии. В глубинах каждого из нас таятся дикие предки, поклонявшиеся молнии и грому. Различие меж нами, может, лишь в том, что они суеверно падали на колени перед небесным светопреставлением, а мне хочется помериться мощью со стихиями. По графику световым эффектам отведено всего двадцать минут, и я устремился в центр разряда, где накапливались высокие напряжения, – толчок воздуха здесь подобен взрыву, а яркость электрического огня ослепляет даже сквозь темные очки.

Невдалеке вспыхнула молния с десятками изломов и отростков, похожая на исполинский корень. Параллельно ей зазмеилась другая, а сверху ударила третья. Все слилось в разливе пламени. Мне померещилось, что я угодил в центр факела и испепелен. Но все три молнии погасли, а на меня – чуть ли не во мне самом – обрушилась гора грохота. Ослепленный и оглушенный, я на секунду потерял сознание: авиетка рухнула вниз и остановилась лишь над крышей дома.

В одной из приземлившихся машин я увидел вчерашнюю невежливую девушку с длинной шеей. Я помахал ей рукой и взмыл в новое сгущение потенциалов. Попасть в разряд на этот раз не удалось: авиетка вышла на параллельный полет. Я понял, что вмешалась Охранительница.

– В чем дело? – крикнул я вслух, хотя Охранительницу достаточно вызвать мыслью.

В мозгу вспыхнул ее молчаливый ответ: «Опасно!».

Я закричал еще сердитей:

– Пересчитайте границу допустимого! У вас там трехкратные запасы безопасности!

На этот раз бесстрастная машина снизошла до обстоятельного – голосом – ответа. Буря в этом году мчится на таком высоком уровне энергии, что чуть не вырывается из-под контроля. Механизмы Управления Земной Оси запущены на всю мощность, чтоб удержать грозу на заданной трассе и в предписанной интенсивности. Любое местное нарушение системы разрядов может привести к

выпадению из режима всей грозовой массы.

Спорить с Охранительницей бессмысленно. Я метался под тучами от молнии к молнии, не успевая к разряду, но наслаждаясь реками света и ревом воздуха. Раза два меня основательно качнуло, разок отшвырнуло в сторону – забава в целом вышла недурная. А когда прошли двадцать минут, отведенные на разряды, хлынул дождь, и я поспешил в город: дождь надо испытывать на земле, а не в воздухе, и телом, а не машиной. Я приземлился на площади и выскочил под ливень. Авиетка тотчас улетела на стоянку, а я помчался к дому напротив и, пока добежал, основательно промок. Под навесом стояло человек двадцать. Мой вид вызвал смех и удивление: я был одет не по погоде. Среди прочих оказалась все та же девушка. Она положительно невзлюбила меня с первого взгляда. Она единственная смотрела на меня враждебно. Меня так возмутила ее молчаливая неприязнь, что я вежливо сказал:

– Простите, я не с вами повстречался недавно чуть ниже туч?

– И основательно ниже, почти у земли, – ответила она холодно. – Вы, кажется, закувыркались от разряда?

– Я потерял управление. Но потом возвратился в район разрядов.

– И это я видела – как вы фанфаронили на высоте.

Она явно хотела меня обидеть. Она была невысока, очень худа, очень гибка. Брови и вправду были слишком массивны для ее удлиненного нервного лица, они больше подошли бы мне, чем этой девушке. Она мало заботилась о своей внешности. Конечно, изменить форму головы трудно, но подобрать брови к лицу просто, другие женщины непременно сделали бы это.

– Не люблю, когда на меня глазают, – сказала она и отвернулась.

Я не нашел, что ответить, и ушел, почти убежал из-под навеса. Вслед мне закричали, чтобы я возвратился, но ее голоса я не услышал и пошел быстрее. Дождь уже не лил, а рушился, он звенел в воздухе, грохотал на тротуарах и аллеях, гремел потоками. Холодная вода струилась по телу – это было неприятно. Охранительница посоветовала сменить одежду на водонепроницаемую, какую носят на Земле. Пришлось вызвать авиетку и

поехать на ближайший комбинат.

Через десять минут я вышел под дождь в обмундировании землянина. На Плутоне ливней, подобных земным, не устраивают, и там мы позабыли, что значит одеваться по погоде. Зато теперь я мог спокойно бродить по улицам. Дождь не ослабевал – вода была под ногами, с боков, вверху. Она рушилась, вскипала, рычала, осатанело неслась. Я запел, но кругом так шумело, что я себя не услышал. Громады Центрального кольца пропали в серой невидимости, посреди дня наступила ночь. Лишь водяная стена, соединявшая полузатопленную землю и невидимое небо, тонко, предрассветным сиянием, мерцала и вспыхивала – дождь сам озарял себе дорогу.

Все это было до того красиво, что меня охватил восторг.

Вскоре чернота туч смягчилась – и день медленно оттеснил искусственную ночь. Стали видны здания и башни причальных станций. Потоки низвергающейся воды утончились в прутья, прутья превратились в нити, нити распались на клочья, клочья уменьшились до капель – дождь уходил на восток. Было шестнадцать часов, гроза заканчивалась по графику. На улицы и в парки высыпала детвора, в воздухе снова замелькали авиетки, в окнах затрепыхались флаги. Солнце жарко брызнуло на землю, с земли понеслись ликующие крики – праздник продолжался.

Я зашел в столовую и, не разглядывая, нажал три кнопки меню. Это была старая игра: выпадет ли, что нравится? Мне повезло: автоматы подали мясные грибы, любимое мое кушанье. Два других блюда – сладенькое желе и пирог – были не так удачны, но, согласно правилам игры, я съел и их. Пора было идти к Вере.

12

Вера ходила по комнате, а я сидел. Она казалась такой же, как прежде, и вместе с тем иной. Я не мог определить, что в ней изменилось, но чувствовал перемену. Она похвалила мой вид.

– Ты становишься мужчиной, Эли. До отъезда ты был мальчишкой, и отнюдь не примерным.

Я молчал. Так у нас повелось издавна. Она выговаривала мне за проказы, я хмуро отворачивался. Нетерпеливая и вспыльчивая, она болезненно переживала мои шалости, а я сердился на нее за это. Отворачиваться сегодня не было причин, но и непринужденного разговора не получалось. О делах на Плутоне она знала не хуже меня.

Она иногда останавливалась, закидывая руки за голову. Это ее любимая поза. Вера способна вот так – со скрещенными на затылке руками, высоко поднятым лицом – ходить и стоять часами. Я как-то попробовал минут тридцать выстоять так же, но не сумел.

Сегодня она была в зеленом платье с кружевами на плечах, кружева прихватывала брошка – зеленоватая змея из дымчатого камня с Нептуна. Вера любит брошки, иногда надевает браслеты – пристрастие к украшениям, кажется, единственная ее слабость. Я наконец разобрал, что в ней изменилось. Изменилась не она, а мое восприятие ее. Я видел в ней то, чего раньше не замечал. Я вдруг понял, что Вера необыкновенно красива.

О ее красоте я знал и раньше, все твердили, что она красавица. «Ваша сестра – греческая богиня!» – говорил Ромеро. Но для меня она была старшей сестрой, заменившей рано умершую мать и погибшего на Меркурии отца, строгой и властной сестрой, – я не приглядывался к ее внешности. Теперь же я не только знал, но и видел, что Ромеро прав.

Она спросила с удивлением:

– Что ты приглядываешься ко мне, Эли?

Я признался, усмехнувшись:

– Обнаружил, что ты хороша, Вера.

– Ты ни в кого не влюбился, брат?

– Жанна приставала с тем же вопросом. По какому признаку вы определяете, что я влюблен?

– Только по одному – ты стал различать окружающее. Раньше ты был погружен в себя, жил лишь своими страстями.

– Страстишками, Вера. Дальше проказ не шло, согласись. Побегать одному в пустыне или Гималаях, забраться тайком в межпланетную ракету – помнишь?

Вера не отозвалась. Она остановилась у окна и поглядела на город. Я тоже промолчал. Мне незачем было торопить ее. И без понукания она объяснит, зачем позвала.

– Ты закончил командировочные дела на Земле? – спросила она.

– Закончил, и вполне успешно. Мы получили все, что запрашивали.

– Павел сообщил, что возобновляешь ходатайство о поездке на Ору. Почему ты стремишься на звездную конференцию? Я не уверена, что ты правильно понимаешь, какие задачи мы ставим себе на Оре. До сих пор ты был равнодушен к тому, что волнует других.

Я засмеялся. За те два года, что мы не виделись, Верин характер не изменился, хотя внешне она показалась мне иной. Каждый наш разговор превращался для меня в экзамен. И я твердо решил не провалиться.

– Нет так уж равнодушен, Вера. И я аккуратно слушаю передачи с Земли. А о конференции на Оре всем прожужжали уши.

– Ты не отвечаешь на мой вопрос, Эли.

– Я не дошел до ответа. Вот он, дорогая сестра. Вы собираете на Оре жителей соседних звездных миров, чтобы узнать, что им нужно и что они умеют, завязать с ними дружеские связи, наладить обмен товарами и знаниями, организовать межзвездные рейсы. Задуман проект Звездного Союза, объединяющего всех разумных существ нашего района Галактики... Верно я излагаю?

– Верно, конечно, и вместе с тем уже неверно.

– Не понимаю, сестра...

– Видишь ли, общепризнанные задачи Оры ты рассказал точно. Но открыто так много неожиданного...

Я вспомнил, что Аллан говорил о существах, похожих на нас.

– Ты колеблешься, говорить или нет?

– Просто обдумываю, с какого конца начать. Мы, разумеется, понимали, что нами обследован лишь незначительный участок Галактики, несколько тысяч соседних звезд, и делать окончательные выводы преждевременно, если вообще это когда-либо возможно – делать окончательные выводы... Но, открывая одно звездное общество за другим и обнаруживая, что все они ниже нас по техническому и социальному уровню, мы как-то утвердились в чувстве своей исключительности. Жители Альдебарана и Капеллы, Альтаира и Фомальгаута, даже вегажителы, не говоря уж о бесчисленных ангелах в Гиадах, – все они уступают человеку. Наши звездные соседи примитивней нас – таков факт. И то, что собираем конференцию на Оре мы, а не кто-либо из них, свидетельствует об особой роли человека среди звездожителей.

– А новые данные опрокидывают ваш вариант антропоцентризма? Человек отнюдь не пуп мироздания, правильно я понимаю, Вера?

– Ты всегда торопишься, брат. Мартын Спыхальский, наш руководитель на Оре, доставил записи сновидений ангелоподобных одной из крайних звезд в Гиадах – Пламенной В. Два слова о ней. Она немного горячее Солнца, класса Ф-8, у нее девять планет, тоже мало отличающихся от Земли, и все населены четырех- и двукрылыми ангелами. Уровень общественной жизни низок: примитивная материальная культура, вражда племен, отсутствие письменности и машин. Но в записях излучений их мозга при сновидениях обнаружены факты, каких мы пока не встречали. В снах ангелоподобные с Пламенной В видят существ, похожих на людей, и видят их воистину в трагических ситуациях. Интересно, что бодрствующие ангелы объясняют свои сны как отражения бытующих у них сказок о каких-то высших по разуму и мощи существах.

– А может, это и вправду сказки? Вроде человеческих историй о богатырях и волшебниках?

– Их сказки тоже записаны – они беднее снов. Судя по всему, похожие на людей существа прилетали в Гиады издалека. Кстати, БАМ перевела их название громким словом «галакты», а не «звездожители», как обычно. Это еще не все. Тому, что где-то во Вселенной есть схожие с нами существа, можно лишь радоваться – постараемся познакомиться с ними и завязать дружбу. Но новые открытия вызывают нелегкие размышления. Дело в том, что у галактов существуют могущественные враги, с которыми они находятся в состоянии космической войны, такой невообразимо огромной, что она подходит к границе нашего понимания. Объектами разрушения в этой войне являются уже не существа и механизмы, как в древних человеческих сражениях, а планетные системы. Ангелы именуют грозных существ, враждующих с галактами, зловредами.

– Зловреды! Какое нелепое название! В нем есть что-то инфантильное. Для научного термина оно, по-моему, не подходит.

– Думаю, БАМ не случайно выбрала это слово из тысяч других. Очевидно, оно дает самое точное определение их поведения. Другой вариант – разрушители. Интересно, что на вопрос, каковы они внешне, БАМ ответила: «Неясно». И еще неопределенней: «Разные».

– Крепкий же это орешек, если сверхмогущественная БАМ не сумела его разгрызть!

– Очевидно, недостает данных. С названием «разрушители» ассоциируются зашифрованные понятия: «уничтожать живое», «сжимать миры». Завтра ты увидишь на стереозэкране, как это выглядит. Похоже, разрушители владеют обратной реакцией Танева, то есть создают вещество, уничтожая пространство, – без этого миры не «сжать». А галакты противодействуют им. В результате в межзвездных просторах кипит война.

– Это так грандиозно, словно ты описываешь битву богов.

– Я излагаю расшифрованные записи, не больше. И что значит «битва богов»? Нынешнее могущество человека много больше того, что люди когда-то

приписывали богам, тем не менее мы люди, а не боги. Луч света далеко отстает от наших космических кораблей – разве это не показалось бы сверхъестественным жителю двадцатого века? В сегодняшнюю грозу ты мчался наперегонки с молниями – вряд ли подобную забаву сочли бы нормальной сто лет назад.

– Ты и об этом, оказывается, знаешь?

– Я следила за тобой. Раз ты в Столице, следует ожидать рискованных чудачеств. Почему-то ты считаешь этот город лучшим местечком для озорства. На Плутоне ты вел себя сдержанней.

– На Плутоне у меня не хватало времени для забавы. И потом – там отсутствуют Охранительницы. Скажи теперь, Вера, какие выводы вы делаете из информации о галактах и разрушителях?

Вера, задумавшись, ответила не сразу:

– Завтра собирается Большой Совет, будем решать. Но и сейчас уже ясно, что возникли десятки вопросов – и каждый требует ответа. Существуют ли еще разрушители и галакты, или информация о них – пережиток катаклизмов, отгремевших миллионы лет назад? Кто из них победил в космической схватке? Может, в непредставимых сражениях погибли обе стороны? Какое отношение имеют к людям так удивительно похожие на нас галакты? И если и те и другие еще существуют, то где они обитают? Впервые в нашей истории мы выходим на галактические трассы – безопасны ли они для нас? Мы вознамерились создать Межзвездный Союз Разумных Существ – не рано ли? Может, следует полностью замкнуться в мирке солнечных планет? Есть и такое мнение, Эли! У нас огромные ресурсы – не направить ли их на строительство оборонительных сооружений? Может быть, возвести вокруг Солнечной системы кольцо искусственных планет-крепостей? И об этом надо поговорить. Словом, множество непредвиденных проблем! И решением некоторых придется заняться тебе, Эли, – с нашей помощью, конечно.

– Значит ли это, что я полечу на Ору, или у меня будет другое задание? – спросил я, волнуясь.

– Как тебе известно, руководить совещанием на Оре поручено мне. Я хочу взять тебя секретарем.

– Секретарем? Что это такое?

– Была в древности такая профессия. В общем, это помощник. Думаю, ты справишься.

– Я тоже так думаю. Тебе придется запросить Большую: подхожу ли я в секретари?

– БАМ уже сделала выбор. Я попросила в секретари человека мужественного, упорного, быстрого до взбалмошности, решительного до сумасбродства, умеющего рисковать, если надо, своей жизнью, любящего приключения, вообще неизвестное, – никто теперь не знает, с чем мы столкнемся в других мирах. И Большая сама назвала тебя. Должна с прискорбием сказать, что ты один на Земле обладаешь полным комплексом сумасбродства.

Я кинулся обнимать Веру. Она со смехом отбивалась, потом расцеловала меня. Я еще в детстве открыл, что, как бы она ни сердилась, достаточно полезть с поцелуями – и через минуту злости ее как не бывало. Лишь врожденная нелюбовь к подлизыванию и умильным словечкам мешали мне эксплуатировать эту забавную черту ее характера.

– Я рада за тебя, Эли! – сказала она. – Хоть сегодня больше поводов для тревог, чем для радости, я рада за тебя.

Я шумно ликовал.

– Ну что же, Вера, – сказал я, успокоившись. – Возможно, на Земле я кажусь сумасбродом. Но эти дурные свойства моего характера могут пригодиться в других мирах.

– Еще одно, брат. Тебе разрешено быть завтра в Управлении Государственных машин. Нам покажут, что удалось расшифровать. Ровно в десять, не опаздывай! – Она встала. – Твоя комната в том же виде, в каком ты ее оставил, улетаю на Плутон, – прибрана, конечно.

– Я не хочу спать. Я посижу в саду.

13

В Столице дома опоясаны верандами (через каждые пять этажей) и садами (на террасах каждого следующего двадцатого). Наша с Верой квартира – на семьдесят девятом этаже Зеленого проспекта, внутренней стороны Центрального кольца. Я поднялся выше и присел в саду восьмидесятого этажа. Не помню уже, сколько я там сидел и о чем думал. Путанные мысли переплетались с путаными чувствами – я был счастлив и озабочен. Потом я стал рассматривать ночной город.

В школах учат, что древние мегаполисы ночью заливало сияние прожекторов и люминесцентных ламп. На шумных улицах вечно толклись прохожие. Хоть Столица – город немолодой (ей скоро четыреста лет) и на клочке земли давно уже не возводят таких скоплений зданий, в остальном она современна. Ночью ее магистрали темны и тихи. Я люблю ночные контрасты Столицы – темные проспекты и сияющие полосы этажей. Сверкающая горная цепь Центрального кольца терялась вдалеке, за черным пятном парка вздымалось параллелями освещенных этажей кольцо Внутреннее – неохватно широкая лестница от земли к небу.

Центр Столицы, Музейный город, был неразличим.

Ни пирамиды, ни ассирийские и египетские храмы, ни Кремль, ни собор Святого Петра, ни парижский Нотр-Дам, ни кельнская и миланская готика – ни один из этих великолепных памятников прошлых веков, воспроизведенных на островном клочке земли, ни одна из этих высоких точек, отчетливо видимых днем, в темноте не прорезалась даже искоркой.

Лишь красное полушарие на центральной площади – Управление Государственных машин – было залито светом. Любой из нас тысячи раз видел на стереоэкранах все комнаты и коридоры этого знаменитого «завода мысли и управления», как иногда его выпренок называют, однако немногие счастливицы могут похвастаться, что побывали здесь. Три важнейших механизма – Большая Государственная, Большая Академическая и Справочная машины – неустанно,

днем и ночью, не останавливаясь ни на секунду, трудятся там уже скоро два столетия.

Я смотрел на красное здание и думал, что сегодня в нем распутывают одну из труднейших загадок, когда-либо стоявших перед человечеством, и что, может быть, само будущее Земли зависит от того, правильно ли машины в ней разберутся. И еще я думал, что мне придется умчаться от этого места, где среди ста миллиардов элементов Большой имеется и неповторимо мой уголок в миллион клеточек, моя Охранительница, мудрый и бесстрастный мой наставник и поводырь. Я не раз сердился на нее, называл ее бесчувственной и даже хвастался ироническим отношением к управляющим машинам. Но, по-честному, я привязан к ней, как не всегда привязываются к живому человеку.

Кто, как не она, бдительно отводит от меня опасности, оберегает от болезней и необдуманных шагов. А если меня что-то гложет – разве она не докапывается до причин и, маленькая часть Большой, не ставит их перед всем обществом как важную социальную проблему, если, по ее критериям, они того заслуживают? И разве я не уверен, что когда мне явится полезная идея, то, пусть я сам забуду о ней, Охранительница, подхватив ее, введет в код Большой, а та немедленно реализует или поставит на обсуждение перед всем человечеством – если мелькнувшая у меня мысль стоит такого внимания!

Я думал, что, когда промахнусь, поступлю неправильно, Охранительница промолчит о моих ошибках (лишь бы они не вредили другим) – ни один друг, самый верный, не хранит тайны так, как она!

Нет, для меня она не была просто умно придуманной, умело смонтированной частью огромной машины – она была своеобразной частью меня самого, моей связью со всем человечеством, миллионами рук, протянутых мной каждому человеку! Скоро, очень скоро эти связи ослабеют, если не исчезнут совсем, – Большую с ее ста миллиардами элементов в далекие путешествия не взять!

Мне захотелось в последний раз испытать могущество обслуживающих машин. Я приказал Охранительнице узнать, что за девушка дважды обругала меня. В мозгу засветился ответ: «Справочной для ответа не хватает данных». После лирических размышлений о всесии управляющих машин этот ответ смахивал на насмешку.

Андре любит доказывать, что мы живем в примитивное время, на переходе к совершенному обществу: потребности, особенно духовные, все возрастают, – и половина остается неудовлетворенной. Еда, одежда, жилища, средства передвижения, образование, свободный выбор профессии – блага элементарные, их отпускают вволю, но их мне уже недостаточно, говорит он. Если же я задумаю переменить свои влечения и склонности или из старика превратиться в юнца, даже Большая разведет своими электронными руками. Воображаю, как бы он посмеялся над моей неудачей со Справочной.

Я прислонился головой к олеандру и стал вспоминать встречи с той девушкой: толкотню у концертного зала, резкий разговор под навесом, где мы спрятались от ливня. Я видел ее – сердитую, темноглазую, с тонким лицом, с высокой шеей и широкими бровями...

– Теперь данных достаточно, – зазвучал голос Охранительницы. – Девушка – Мери Глан, родом из Шотландии, курс проходила на Марсе, куда уезжала с отцом, двадцать три года, рост сто восемьдесят два сантиметра, вес семьдесят пять килограммов, не замужем. Главное увлечение – выращивание растительных форм для планет с высокой гравитацией и жестким излучением.

– Женихов эта Мери Глан не запрашивала? – поинтересовался я.

– Сердечных увлечений не было.

Я продолжал играть в «жениха и невесту» – так эта забава называется в школах. Там Справочную засыпают вопросами о взаимной пригодности, особенно увлекаются этим девочки. Они перебирают по тысяче «женихов», а выходят замуж чаще всего не за тех, кого им рекомендовала Справочная.

– А я бы ей подошел? Какова степень нашей взаимной пригодности?

На этот раз Охранительница передала ответ Справочной секунды через четыре. Воображаю, какую бездну семейных возможностей – нежностей, страсти, объятий, ссор, примирений, недоразумений, бед, обид, радостей, ликований – она рассчитала за это время! Я вдруг услышал презрительный голос Ромеро: «Не кажется ли вам, дорогой друг, что машинная техника нашего времени переросла себя? Раньше такие явления назывались „зашел ум за разум“». Эти слова прозвучали так реально, что я обернулся. Подслушать мои запросы он, впрочем,

не мог: тайна мыслей охраняется строго.

Справочная наконец возвестила:

– Ваша взаимная пригодность – десять и три десятых процента. Ее годность к вам – семнадцать и две десятых процента, ваша к ней – два и восемь десятых процента. Развод вероятен на первом месяце семейной жизни, неизбежен – к середине второго.

Я вспомнил, как Ромеро рассказывал смешную историю. Нашлись два романтика, мужчина и женщина, которые до того уверовали в безошибочность Справочной, что всерьез поручили ей отыскать себе пару. И Справочная, перебрав всех жителей Земли, свела именно их – как максимально пригодных для совместной жизни. Дело оставалось за тем, чтобы встретиться и влюбиться. Они встретились и почувствовали друг к другу отвращение.

Я грубо потребовал от Справочной:

– Эта, как ее, Мери, обо мне не запрашивала?

Охранительница обычно разговаривает приятным женским голоском, реже – ворчливым тенорком старичка, еще реже – просто зажигает в мозгу свои ответы. Не знаю, почему так происходит. Кажется, конструкторы не хотели, чтоб люди свыкались с машиной как с человеком. Если это так, то их предосторожность малодейственна. В мозгу замерцала холодная зеленоватая надпись: «Нетактично. Не передаю Справочной».

Я потянулся и встал. В мире не существовало девушки, которая интересовала бы меня так мало, как эта Мери. И я уже говорил Андре, что, влюбившись, не буду спрашивать советов у Справочной.

Я пошел спать.

На другое утро ничто не показывало, что вчера был праздник.

Если бы в Столице появился никогда в ней не живший человек, он не поверил бы, что ее населяют пятнадцать миллионов – до того малолюдны и тихи ее улицы.

У входа в Управление Государственных машин я повстречался с Ромеро и Андре.

– Ты не пришел к нам, – сказал Андре. – А Жанна тебя ждала.

– Был важный разговор с Верой.

Оба поздравили меня с назначением.

– Кто из вас уже бывал здесь? – спросил Андре. – Я – впервые.

Ромеро показал нам здание. Все три великие машины – и Большая Государственная, и Большая Академическая, и Справочная – смонтированы в многоэтажных подвалах, мы туда не пошли. Там неинтересно: миллионы рабочих и резервных ячеек на стеллажах, миллиарды действующих элементов, дикая на неопытный глаз путаница коммуникаций – таков облик этих машин.

Зато величественные залы заседаний мы осмотрели. Большой Совет заседает в Голубом, потолок там имитирует звездное небо. Нас пригласили в Оранжевый. Он вмещает около пяти тысяч человек, и к десяти часам утра все места были заняты. Нашей семерке отвели ложу. Впереди размещался пустой куб стереоэкрана. Все, что появляется на экране, передается по стереофонам Земли. Сегодняшнюю передачу должны были смотреть и планеты Солнечной системы – такое ей придавалось значение.

Когда побежали последние секунды десятого часа, в туманном кубе стереоэкрана появился большеголовый человек с глазами навикате, румяными щеками и седыми усами.

– Мартын Спыхальский, – прошептал Андре.

Я с интересом рассматривал знаменитого астронавта. Его корабли дальше всех проникли в звездные просторы: он побывал в местах, куда ни до, ни после него никто не проник. Для своих лет он выглядел молодцом, даже голос его был по-молодому звучен.

Он рассказал об экспедиции на Пламенную В, и мы увидели все девять планет звезды. Это были заурядные небесные тела, каких множество. Но крылатые обитатели планет вызвали в зале шепот и смех. Они и вправду напоминали ангелов, какими их представляли древние, поэтому открывшие их Чарльз Вингдок и Софья Когут и дали им такое название.

Все ангелы вспыльчивы и драчливы, без потасовок у них редко обходится. Нам показали одну такую стычку: пух с крыльев заволоч все как туман, а клетот был так громок, что звенело в ушах. И уж совсем убогими нам показались жилища на планетах этой дальней звезды в Гиадах: одноэтажные бараки с такими узкими дверьми, что бедные ангелы не влетают, а вползают в них, сминая крылья. На центральных светилах Гиад живут удобней, там для отдыха и сна воздвигнуты общественные дворцы с широкими входными (вернее – влетными) порталами. А затем одна за другой стали вспыхивать расшифрованные картины снов ангелов Пламенной В.

Сперва мы увидели фигуру, издали поразительно похожую на человеческую. Она выплывала из клубящегося тумана предсна, она разгоралась по мере того, как сновидение становилось глубже. Вскоре стало ясно, что это и человек, и нечеловек, нечто и меньшее, и большее, чем человек. На нас спокойно взирали огромные – в треть лица – глаза, длинные локоны падали на плечи. Галакт поднял руку, на ней извивались пять пальцев, именно извивались, а не шевелились. Он поскреб подбородок одним из этих подвижных пальцев и положил руку на грудь: два пальца были протянуты вперед, три загнулись назад, к тыльной части ладони. Руки поразили меня еще больше, чем лицо.

На второй картине были малиново-красные скалы, такая же ярко-красная жидкость, бившаяся волнами о камни, и огромное сине-желтое светило, поднимавшееся над ней. У меня похолодела кожа, так был зловещ этот дикий пейзаж. Я не сразу понял, что нам попросту показывают одну из планет Пламенной В.

На скалу поднялся галакт, окруженный ангелами – он почти вдвое возвышался над ними. Рост его, доложила машина, два метра восемьдесят. В зале зашумели:

галакт на полметра превосходил высокого человека. Присмотревшись, я убедился, что это тот самый, что был в первой картине. Он осматривался, ладонью защищая глаза от ползущего вверх пронзительного светила, а другой рукой дружески похлопывал по плечам четырех- и двукрылых недорослей. Из-за скалы поднялся второй галакт, старый, с седой бородой и седыми волосами, и подошел к первому. И старик, и молодой были в одеждах, похожих на древние человеческие, – ярко-зеленых, свободно развевающихся плащах. Оба с какой-то тревогой молча всматривались в красное море.

– Записано на четвертой планете Пламенной В, – доложила БАМ. – Следующая запись сделана на восьмой планете той же системы.

И эта картина началась с пейзажа, но теперь окружающее было серо, почти черно: однообразно-холмистая равнина, тусклые звезды на темном небе. На поверхность планеты, отбрасывая снопы зеленоватого света, опускался сигарообразный звездолет.

– Фотонный космический корабль, – сообщила БАМ, – примерно та же конструкция, что разработали наши предки четыре столетия назад.

– Первая ступень космической техники! – пробормотал Аллан. – Негусто у небесных странников.

В следующей картине фотонный звездолет стоял на грунте, а около него возились галакты и ангелы. В руках у галактов были ящики, похожие на старинные сварочные аппараты, из них вырывались лучи и искры. Неподалеку, на холме, возвышалась башня с вращающимся прожектором. Прожектор рыскал по темному небу. Из носовой части звездолета вынеслась ракетка и умчалась вверх. Галакты, похоже, были в тревоге. Не доверяя вращающемуся глазу на башне, они сами, вдруг забрасывая работу, вглядывались в звезды, тускло посверкивавшие на черном фоне. Движения галактов были быстры, работа тороплива – они спешили.

А когда и эта картина потускнела, появились новые записи: туманные полосы, светящаяся пыль, заполнившая весь объем стереоэкрана. В этой пыли выросли два сближавшихся, скудно мерцавших шара. Сближение походило на преследование: правый шар отклонялся к краю экрана, левый его настигал. Пространство залил голубой свет – и забушевал, поглощая оба шара. У меня

было впечатление, будто они взорвались от столкновения и их пожирает пламя. БАМ подтвердила, что мы видим столкновение двух пока еще не опознанных небесных тел.

- Предположительно – космическая катастрофа, – сообщила БАМ.

Следующая картина представляла собой звездное скопление, по виду – рассеянное, а не шаровое. БАМ информировала, что оно не идентифицировано, но в видениях крылатых обитателей восьмой планеты повторяется часто. Облик скопления был причудлив, мне оно показался угрожающим. Две почти равные половинки – многие тысячи звезд в каждой. Странность была не в обилии светил – в галактике многозвездных скоплений хоть отбавляй. Одна половинка походила на сомкнутый звездный кулак, мощно ударивший во вторую кучку – та словно отлетела, рассыпаясь на сотни разобщенных звезд.

- Последняя из записей, – доложила машина. – Четвертая, седьмая и девятая планеты. Повторяется у многих крылатых. Демонстрируется самый четкий образец.

И сразу перед нами возник галакт. Из всех картин, что мы увидели в зале БАМ, это была самой драматичной. Галакт, как подрубленный, падал на землю – он именно падал, а не упал, сонное воспоминание начиналось с момента его падения. А потом, уже лежа, он отчаянно бил ногами и взрывал своими подвижными пальцами землю. Он пытался ползти, голова его была поднята – он полз на нас. На шее его зияла рана, кровь широким потоком хлестала на руки и землю. Никогда не забуду его лица – юного, красивого, искаженного испугом и страданием. Потом он в последнем усилии протянул к нам руки, язык его окостеневал, щеки бледнели, одни гигантские, нестерпимо сияющие глаза продолжали молить о помощи. Неотвратимо сковываемый смертью, юноша закрыл глаза и только слабо вздрагивал телом, пытаясь бессильным содроганием порвать ее цепи.

По залу пронесся гул – тысячи зрителей разом вздохнули.

- Черт знает что! – вслух ругался бледный Андре. Снова заговорила БАМ.

Академическая машина оправдывала свое название – она описывала и показывала аппаратуру для записи сновидений, оценивала достоверность

расшифрованных картин. Крылатые жители Пламенной В, оказывается, не могли растолковать многого из того, что являлось им во снах, – например, ни один из них и понятия не имел о фотонных ракетах и сварочных аппаратах. БАМ рассказала, как полученные некогда сильные впечатления передаются потомкам механизмом наследственности, потом приступила к изложению сказок о галактах и разрушителях, бытующих на планетах Пламенной В. Предания о пришельцах из космоса обнаружены лишь у ангелов этой планетной системы. Вкратце они сводятся к следующему.

В давние времена планеты были мрачны и неустроены, по земле ползали хищные гады, в воздухе, таясь от соседей, изредка пролетали дикие ангелы. Кровавые свары раздирали крылатые народы, все было предметом драк: почва и воздух, растения и одежда, еда и жилища. Скучная природа рожала мало, кусок по сто раз переходил из крыльев в крылья, из когтей в когти, прежде чем попадал в рот, – так жили неисчислимую бездну лет, ничто не менялось.

Но однажды с неба спустились корабли и из них вышли галакты. Перепуганные ангелы сперва попрятались в пещерах и лесах, потом, убедившись, что пришельцы зла не несут, высыпали в воздух и с клетотом носились над ними, устраивая драки меж собою. Галакты буянов заперли, а войны запретили. Мир и спокойствие понемногу водворились на спутниках Пламенной В. Галакты, однако, чувствовали себя гостями на ее планетах. Они неустанно наблюдали за небом. И однажды ангелы стали свидетелями космической битвы, разразившейся между ними и какими-то их врагами. Небо превратилось в бездну испепеляющего пламени. Две крайние планеты столкнулись и взорвались. На оставшихся были истреблены посевы, сады, города. От созданной галактами цивилизации не осталось и следа.

Когда уцелевшие от огня и голода ангелы выбрались на поверхность из пещер, куда забились, им предстала ужасная картина разрушений. Крылатые народы сразу были отброшены в первобытное дикое существование. Ни галактов, ни их врагов нигде не было – и больше ни те, ни другие не появлялись в системе Пламенной В.

БАМ так прокомментировала легенды крылатых:

– За орбитой девятой планеты Пламенной В открыты пылевые облака, вращающиеся вокруг центрального светила. Гипотеза, что они представляют собой остатки двух некогда уничтоженных планет, весьма правдоподобна. На

всех планетах системы обнаружены следы пожаров, прикрытые последующими напластованиями. По времени это от двухсот тысяч до миллиона лет тому назад по земному счету.

На этом информация, присланная Спыхальс-ким, закончилась. Членов Большого Совета попросили в Голубой зал. Мы вышли.

15

Вера ушла на заседание Большого Совета. Ромеро пригласил нас в висячие сады Семирамиды. Авиетки унесли нас в кварталы Месопотамии и Египта и высадили на верхней террасе Вавилонской башни, у храма Мардука с золотой статуей уродливого бога. Мы сошли на среднюю террасу. Здесь уютно и зелено, отсюда хорошо видны ближние окрестности Музейного города – пирамиды слева и античные храмы справа.

Мы уселись у барьера, над нами шумели кипарисы и эвкалипты, странные для пейзажа Столицы. Впрочем, на острове странное – обычно.

– Что вы думаете обо всем этом, друзья? – спросил Андре.

– По-моему, тебя интересует не столько то, что думаем мы, сколько то, что пришло в голову тебе самому, – возразил я. – Поэтому не трать время на расспросы. Мы слушаем тебя.

– Я утверждаю, что наше сходство с галактами неслучайно, – объявил Андре. – Мы с ними в родстве, и они раньше построили высокую цивилизацию.

– Машинная техника галактов отстает от нашей, – заметила Ольга.

– Отставала двести тысяч или даже миллион лет назад. Какая она сейчас, мы не знаем. И тогда она была столь высока, что недалеким ангелам галакты должны представляться богами.

– Гонимые по свету боги, к тому же смертные, – съязвил я.

– Да, гонимые боги! – закричал он. – Во всяком случае, таковы они в суеверных представлениях первобытных народов. Для меня галакты – существа, как мы. Их надо разыскать и предложить им союз. Сама природа создала нас для сотрудничества. И если они по-прежнему воюют с врагами, мы обязаны прийти им на помощь.

– Человек помогает попавшим в беду богам – зрелище для богов! – хладнокровно сформулировал я.

В разговор вмешался Ромеро.

– Вы спорите о пустяках, – сказал он. – В родстве ли мы с галактами или развились независимо от них – несущественно. Одно важно: где-то во Вселенной бушуют истребительные войны – и они затронут нас, раз мы выходим в галактические просторы. Я считаю, что человечеству грозит опасность. Если враги галактов уже миллион лет назад были способны сталкивать между собой планеты, то как усовершенствовалась с тех пор их техника уничтожения? Их называют разрушителями, «зловреды» лишь бранное слово, – название не случайное, подумайте об этом! И вполне возможно, что галакты давно истреблены, а поиски наших звездных родичей приведут лишь к тому, что человечество лицом к лицу столкнется с грозными разрушителями и в свою очередь будет истреблено. Что мы знаем о Галактике? Поймите же наконец, слепые люди: мы только выползли за околицу нашего земного домика, а вокруг нас огромный, неизвестный, таящий неожиданности мир!

Не могу сказать, что его зловещая речь не произвела на нас впечатления. Имел значение также и страстный тон пророчеств. Впрочем, все пророки страстны, особенно пророки гибели, – уравновешенных просто никто не стал бы слушать.

В этом смысле я и возразил Ромеро – посоветовал не пугать нас и самому успокоиться. В тот день я даже отдаленно не догадывался, какой перелом совершается в Павле. Он заговорил спокойней:

– С вами спорить не буду, Эли. Для вас, друг мой, любая серьезная мысль прежде всего повод для зубоскальства. И с Андре не хочу препираться: он во всем неизвестном отыскивает материал для удивительных гипотез. Думаю, мне надо обратиться не к вам, а ко всему человечеству – и предостеречь его.

– Мы тоже часть человечества, – пробормотал, нахмурился, Леонид. – И какое-то значение наше мнение имеет.

Ему, как и мне, не понравились предсказания Ромеро. Но вступить в дискуссию Леонид не стал. Среди вещей он ориентируется лучше, чем среди мыслей.

Чтобы отвлечься, Ольга стала рассказывать о придуманных ею усовершенствованиях звездолетов, а я залюбовался Парфеноном. Знаменитый храм был отсюда метрах в двухстах и казался еще гармоничней, чем вблизи. Не знаю почему, но греческая старина мне ближе всего. И я снова подивился искусству, с которым строители Музейного города разместили великие памятники старины: каждый храм и дворец выступает отдельно, в своем естественном окружении, даже сверху нет впечатления путаницы разноликих зданий.

А потом прилетела Вера.

– Мы приняли важные решения, – сказала она. – По общему мнению, сейчас переломный пункт развития человечества – и любой неосторожный шаг может оказаться непоправимым. Но и бездействовать нельзя. Осторожность и смелость – вот что сегодня требуется.

И она заговорила о постановлениях Совета.

Звездная конференция на Оре утверждена. Возможности создания Межзвездного Союза Разумных Существ нашего уголка Галактики будут исследованы со всей полнотой. Поставлена также новая задача – раздобыть побольше сведений о галактах и разрушителях. Лишь после детального знакомства с этими народами и их конфликтами будет выработана всесторонняя галактическая политика: с кем дружить, против кого выступать? Возможен и нейтралитет Земли в спорах, не ею начатых и ее мало касающихся, об этом тоже говорилось. Будет повышена обороноспособность Земли и планет. Опасность из дальних районов Галактики не доказана – как, впрочем, и то, что ее не существует. Совет рекомендует приступить к созданию Большого Галактического флота.

– Принята ваша идея о судах, в десятки раз превосходящих самые мощные нынешние корабли, – сказала Вера Ольге. – Но этих судов будет не два опытных

экземпляра, как вы предлагали, а серии в сотни звездолетов. И еще одно, для вас приятное: командование первой галактической эскадрой поручается вам. И ты радуйся, брат, – сказала она мне. – Построить галактические крейсеры на Земле технически невозможно. Решено одну из планет превратить в космическое адмиралтейство, выбор пал на твой любимый Плутон. Вот главное в рекомендациях Совета. Если человечество утвердит их, они станут законом.

После этого Вера извинилась, что не может остаться с нами: у нее неотложные дела.

– Могу я сопровождать тебя, Вера? – спросил Ромеро.

– Да, конечно, как всегда, Павел.

Свободное время на Земле Вера проводит с Ромеро. Раньше, когда я был поменьше, меня это раздражало. Но с годами я примирился с тем, что Ромеро забрасывает ради нее друзей.

16

Мы с Верой и Ромеро улетели с Земли 15 августа 563 года в последней партии.

Перед посадкой в межпланетный экспресс мы совершили прогулку над Землей. Земля была прекрасна. Я любовался ею и Солнцем. Я знал, что мы надолго прощаемся с ними. На трапе Вера помахала Земле рукой, я ограничился тем, что подмигнул нашей старушке. В салоне планетолета я скоро позабыл о ней. Мысленно я уже ходил по Плутону.

Нет ничего скучнее рейсовых межпланетных кораблей – старинных ракет-рыдванов с фотонной тягой. Даже облик их – длинная уродливая сигара – тот же, что и три столетия назад. И плетутся они с доисторическими скоростями – до Луны добираются за пять минут, до Марса – за сутки, а на полет к Плутону тратят неделю. Ни один из этих «экспрессов» не способен идти быстрее сорока тысяч километров в секунду. И гравитаторы не на всех хорошо работают, временами чувствуется увеличение тяжести. Лишь с невесомостью они

справляются отлично, но смешно было бы пасовать перед такой детской задачей, как ликвидация невесомости.

Я просил Веру заказать межпланетный курьер – тот все же способен долететь до Плутона быстрее. Но она ответила, что торопиться не к чему, и все с ней согласились. Меня с детства раздражает непогрешимость Веры. Главное в ее словах не их содержание, а то, что они – ее. Те же мысли, но изложенные мной, не производят такого впечатления.

– В прежнее время секретари не кричали на своих руководителей, Эли, – возразила она, когда я сказал, что думаю о ее решении.

– Ты еще скажи, что руководители кричали на своих секретарей. И так как это будет твоя мысль, то даже Ромеро признает ее достоверной.

Ромеро и вправду признал эту мысль достоверной. Начальники в старину не церемонились с подчиненными, сказал он. А один русский царь при беседах с министрами нередко прибегал к дубинке. Особенно доставалось его любимцам: в те времена лупцовка считалась одной из форм поощрения. Тогда были в ходу выражения: «Бросить на руководящую работу», «Влупить (или влепить, точно неизвестно) строгача», «Посвятить ударом меча в рыцари» – все это были синонимы продвижения вверх.

Я, однако, не думаю, чтоб рыцарей, выдвигая их на руководящие посты, реально бросали на что-то, рубили мечами и лупили строгачом. Наши предки обожали языковые фиоритуры. По-моему, в описанных Ромеро явлениях бросания на работу, влупления строгачей и посвящения мечом таятся типичные для той эпохи религиозные обычаи и магические приемы.

– Возьмите такой распространенный тогда термин, как «в магазине выбросили товары»! – воскликнул я, воодушевляясь. – Нормальному человеку это представляется бессмыслицей: вещи изготавливались, чтобы их тут же выбрасывали. Но общественная жизнь тех времен полна противоречий. Сейчас нам известно, что тщательно собранным урожаем кофе и кукурузы иногда топили паровозы или сбрасывали эти продукты в море, а ботинки, сошедшие с конвейера, отправляли на другой конвейер, где их разрезали на части. Неужели вы не согласны, что все это делалось из ритуальных соображений? Вообще, доложу вам, предки логикой не блистали. На Плуtone мы как-то просматривали

старинную ленту. Оказывается, в прошлом люди – все поголовно – страдали носотечением. Они собирали бесполезные выделения в специальные тряпочки и хранили их там как сокровище, а тряпочки, надушенные и украшенные кружевами, рассовывали по карманам, чтоб кончик торчал наружу... Не скрывали болезнь, а хвастались ею!

Ромеро посмотрел на меня с удивлением. Мне показалось, что он на время потерял голос от новизны моих мыслей.

– Ваши исторические познания внушают мне трепет, – сказал он очень вежливо. – И поскольку вы с такой остротой проникаете в былое, вас, мне кажется, несколько не должно удивлять, что начальники некогда кричали на своих подчиненных, хотя с точки зрения здравого человеческого смысла представлялось бы гораздо более естественным, если бы подчиненные орали на начальников, ибо начальники должны стесняться показывать свое превосходство, а чего, в самом деле, стесняться подчиненным?

Известная логика в этом, конечно, была.

17

За Ураном экспрессы разгоняются, и даже наша колымага показала одну десятую световой скорости. Плутон сверкал в иллюминаторах, вырос из горошины в яблоко, из яблока – в футбольный мяч, вокруг него вращались крохотные искусственные солнца, на полюсах вздымались туманные протуберанцы – заводы водяного пара и синтетической атмосферы теперь ежечасно выдавали по десять миллионов тонн воды и по два миллиарда тонн азотно-кислородной смеси. Эти цифры я привел Вере и Ромеро на память.

– Воды пока не хватает, а атмосфера уже сравнима с земной, дышится, как у нас в горах, – сказал я.

– Мне кажется, на Плутоне самое интересное – заводы воздуха, – сказала Вера. – От их работы сейчас зависит, удастся ли нам быстро осуществить проект переоборудования планеты в галактический завод.

На подлете к Плутону Веру заинтересовало скопление гигантских глыб, кружившихся над ним. Их было девять, одна выделялась – гора посреди холмов.

Я сказал очень торжественно, как и подобало в такой момент:

– База Звездных Плугов. А тот огромный – «Пожиратель пространства», флагман Галактического флота. Здесь мы наконец распрощаемся с фотонными ракетами. И здесь мы снова встретимся с друзьями, которые нас поджидают, – Алланом, Ольгой, Андре, Лусином...

18

Звездолеты кружили над Плутоном, ожидая последней партии товаров.

Вера знакомилась с планетой, я сопровождал ее.

Решение Большого Совета о превращении Плутона в галактический завод было принято не на пустом месте – оно было подготовлено всеми предшествующими годами. Это самая рабочая из всех солнечных планет и пока единственный современный межзвездный порт. Когда-то в далекие рейсы корабли уходили с Марса, даже с Земли, но потом люди поняли, что кустарничество в освоении космоса недопустимо.

Сперва мы посетили один из атмосферных заводов. Сооружение шириною километра в два и длиной около десяти продвигалось по поверхности планеты, срезая слой почвы.

Когда мы приехали на завод, его режущая стена подползла к гранитному холму. Холм обваливался на глазах, он таял, как в огне. Вскоре от него не осталось и следа – и завод уполз дальше. На оставленном месте чернел слой искусственной почвы, удобренной, засеянной семенами растений и цветов. Над заводом гремел ветер – тысячи тонн изготовленного воздуха ежесекундно вгонялись в атмосферу. Я удерживал Веру подальше от вихрей, но с нее сорвало шляпу. И тут едва не случилось несчастье: Ромеро кинулся за шляпой, но был опрокинут потоками воздуха – его пришлось выручать. Леонид и я вцепились в Павла, на

помощь поспешил Аллан, втроем мы оттянули Ромеро от беснующейся воздушной бездны, куда он едва не угодил.

– Если бы не вы, друзья, я бы сейчас летел под облаками, – сказал он. Он был очень бледен.

– Думаю, вы сейчас перерабатывались бы в кислород и азот, – возразил я. – А еще минут через пять мы дышали бы вами, Павел.

– Как, вероятно, дышим моей бедной шляпой, – заметила Вера. – Почему вокруг завода нет ограждений?

– Здесь нет людей, – объяснил я. – Все три тысячи автоматических заводов смонтированы в пустынной местности.

Я, разумеется, не сказал, что мы не раз катались вблизи них на авиетках, чтобы побороться с искусственной бурей. Зато я обратил внимание Веры на зелень, покрывавшую почву.

– Это всего лишь трава и цветы, но скоро у нас, как на Земле, зашумят настоящие леса.

– Зелень вкусная, – поддержал меня Лусин. – Сочная. Очень.

– А ты пробовал? – спросил Аллан. Он в восторге хлопнул себя по ляжкам. – Братцы, Лусин траву ест! До того дошел со своими синтетическими животными, что перешел на их пищу.

– Не я. Дракон. Пегасы. Нравится. Как на Земле.

Равнина была озарена тремя рабочими солнцами. Одно стояло в зените, другое закатывалось, третье всходило. Я объяснил, что на Плутоне семь рабочих солнц, каждое запущено невысоко и его излучение охватывает лишь малую часть планеты.

– Фиолетово-голубое, которое сейчас заходит, из новейших. А это, в зените, бело-желтое, изготовлено пятьдесят пять лет назад и уже основательно

выработалось. Первые колонисты на Плутоне трудились под сиянием одного этого солнца – тогда оно висело неподвижно над северным полушарием, и лишь освещенный им участок был пригоден для жизни. После запуска третьего солнца первое было введено в общий график вращения. Ныне он таков: четыре горячих светила образуют теплый день продолжительностью в шестнадцать часов, два красных поддерживают умеренную температуру во время шестичасовой ночи, а одно, оранжевое, переходное, знаменует вечерний отдых.

Всходило как раз оранжевое солнце, но больше я о нем ничего не сказал. Я хотел, чтобы оно само заговорило о себе. Далекое земное Солнце тоже сияло, но, крохотное, с горошину, терялось рядом с искусственным.

– Боже, как красиво! – воскликнула Вера. Скалы и долинки, молодую зелень и постройки залило оранжевое сияние. Оно было так ярко и глубоко, словно предметы пылали внутренним жаром, не освещенные, а раскаленные. А над ними нависало желто-коричневое небо, тоже словно разогретое до собственного сияния, очень низкое, почти осязаемое, не пустое, как на Земле.

– Нет, как прекрасно! – восторгалась Вера. – И те солнца великолепны, а это просто удивительно.

– Эли делал, – сказал Лусин. – Хорошо! Очень.

– Эли! – Вера повернулась ко мне. – Это седьмое солнце, брат?

– Да, – ответил я. – Мы поработали над ним. Мы хотели, чтобы оно не только приносило пользу, но и украшало нашу молодую планету.

За ужином Вера сказала:

– Грубая и крепкая планета. Жизнь здесь пока малоустроена, но вдохновенна. Я рада, что именно Плутон выбрали для новых великих работ.

Ромеро посмеялся над общим восторгом:

– Грубая, вдохновенная, великолепная – какие странные слова! Жить здесь нельзя, проработать два-три года – допускаю. Нашли в океане космоса

каменистый островок, приспособили его под перевалочную базу и восхищаются: как ладно получилось! А пока все это дурная копия ничтожной части того, что имеется на Земле и чем, я согласен, можно восхищаться.

Говоря это, он уписывал пирожки с синтетическим мясом и запивал их фруктовыми соками – не думаю, что еда на Плутоне казалась ему дурной копией земных яств.

19

Я пока еще понятия не имел, в чем заключаются обязанности секретаря, но лоботрясничать не приходилось и без загадочных секретарских дел.

Я основательно изучил недра Звездных Плугов: побывал и на складах с миллионами тонн запасов, и в цехах, вырабатывающих любую продукцию из любого сырья, и на улицах жилого города, и в сердце корабля – отделении аннигиляторов Танева, самом необыкновенном заводе в мире – заводе, производящем вещество из пустого пространства и пустое пространство из вещества. Когда этот завод запущен, кругом на многие светогоды, на триллионы километров сминается или разлетается межзвездный космос.

Я приведу лишь одну потрясающую цифру, она волнует меня: мощность аннигиляторов Танева в самом крохотном из Звездных Плугов достигает двух миллионов альбертов, а в «Пожирателе пространства» превышает пять миллионов! Все электростанции Земли в конце двадцатого века старой эры не способны были выработать и трех миллиардов киловатт, то есть не достигали трех альбертов!

И эта исполинская мощность может быть полностью превращена в сверхсветовую скорость, вся до последнего грамма будет работать на аннигиляторы хода. Но если непредвиденная помеха внезапно появится на пути корабля, мгновенно заговорят другие аннигиляторы – и в старом космосе добавится новой пустоты взамен испепеленного препятствия! Еще не существовало механизмов, защищенных так грозно, как наши галактические корабли, – так мне тогда казалось.

Я выложил свой восторг Ольге. Она посмотрела на меня с недоумением.

– Ты увлекаешься, Эли. У звездолетов мощности немалые, но для глубокого проникновения в Галактику их не хватит. К тому же мы не знаем, кто нас ждет впереди – друг или враг, и если враг – как он вооружен? Я допускаю, что техника таинственных разрушителей выше нашей.

С Ольгой нужно заниматься вычислениями, а не разговаривать. Робот показался бы ей приятным собеседником. Она вполне соответствует своему высокому посту – адмирала эскадры межзвездных кораблей.

– Не расстраивайся, – посоветовал я. – Как-нибудь добредем до Оры и на твоих маломощных суденышках. А что до разрушителей, так ходят слухи, что все они поимерли миллион лет назад.

Ольга так и не поняла, что я смеюсь. Она слушала меня и улыбалась. Если бы я не отошел, она могла бы слушать и улыбаться часами. Ее золотистые волосы приглажены волосочек к волоску, светлые глаза всегда добры, щеки румяны каким-то своим, очень спокойным, уравновешенным румянцем... Меня раздражает и десятиминутный разговор с ней. Если бы меня назначили адмиралом галактической экспедиции, я бы сутки рычал, ревел, хохотал и топал ногами. А она даже не обрадовалась!

20

Андре уединяется с Жанной. Разлука дается им нелегко. Жанна пополнела так, что заметно и посторонним. Роды назначены на 27 февраля и пройдут нормально, я сам читал в прогнозе. Но Андре прогнозу не доверяет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/snegov_serгей/galakticheskaya-razvedka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)